
А. Л. ГРИШУНИН

**ПРИНЦИПЫ ПЕРЕДАЧИ
ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ В ПЕЧАТИ**

Способы передачи текста писем не могут быть едиными, одинаково применимыми ко всякой публикации, ко всякому изданию писем; они соотносятся с характером материала, с конкретными условиями и целевой установкой, т. е. с типом издания. Письма, публикуемые для исследований исторических, в том числе историко-литературных, могут передаваться без педантизма, с соблюдением новейшей орфографии, в то время как для целей лингвистических или палеографических потребуется дипломатическое и фотомеханическое, факсимильное издание.

Иной, чем в изданиях, преследующих научно-исследовательские цели, должна быть публикация писем в популярных изданиях. Передача текста с излишней дипломатичностью только затруднила бы использование их тем читателем, на которого такие издания рассчитываются. Обыкновенного («массового») читателя интересует прежде всего смысловая и стилистическая сторона публикуемых писем, а не внешние признаки текста и передающего текст документа, небезразличные для исследователя.

Стремление совместить разные задачи в издании, рассчитанном «на всех», ведет обычно к смещению и чрезмерному усложнению принципов и не удовлетворяет вполне ни одну из категорий читателей.

Различный подход нужен при издании писем в составе собрания сочинений писателя и при первой «публикации» их в том или ином периодическом издании или сборнике. Если первая публикация сопровождается палеографическим анализом текста — с целью атрибуции, датировки и т. п., — требуется тщательная передача всех особенностей документа, вплоть до явных ошибок, не всегда обязательная в публикациях обычного типа.

Принципы передачи текста зависят также от характера подлежащего изданию материала, существенно варьирующегося

даже в пределах одного жанра «писем». «Письмо может быть литературным произведением, но может им и не быть»¹.

Разными бывают и документы, доносящие до нас тексты писем: подлинное письмо, черновик, авторская копия, список, печатная публикация. Различие в качестве и степени достоверности этих источников не может не учитываться при издании писем.

Приемы публикации писем зависят, далее, от той исторической дистанции, которая отделяет публикатора от времени их создания. Чем эта дистанция больше, чем к более давнему времени относится письмо, тем большую ценность приобретает каждая особенность текста и тем ближе сходятся требования, которые предъявляют к изданию различные точки зрения.

Передача в печати эпистолярного рукописного текста составляет основную трудность всякого издания писем. Научность издания, степень его пригодности для использования в научно-исследовательских целях прежде всего зависят от качества подготовки текста, от точности его передачи.

Передача текста письма имеет ряд специфических трудностей. Специальной научной разработки эта проблема еще не получила, хотя все, кому приходилось иметь с этим дело, в ней насущно нуждались и устанавливали приемы издания каждый раз заново — применительно к своему материалу. А. С. Долинин, редактировавший четырехтомное издание писем Достоевского, по поводу принципов печатания текстов неизданных материалов вынужден был прибегать к устной консультации таких авторитетных специалистов, как Б. В. Томашевский и В. Н. Княжнин². До революции эта проблема, насколько известно, вовсе никак не исследовалась. В советское время появились статьи и материалы дискуссий о принципах передачи текста исторических источников — в том числе в последние годы — в журнале «Исторический архив» и в трудах Московского государственного историко-архивного института³. Это, однако, не устраняет потребности в специальной разработке принципов передачи текста эпистолярный нового времени, тем более что к письму, как к документу индивидуального стиля, обычные археографические приемы не всегда приложимы.

Специфика писем в отношении эдичионных принципов обусловлена тем, что, в отличие от литературных произведений или официальных документов, эпистолярный материал при его создании, как правило, не рассчитывается на публикацию. То об-

стоятельство, что в связи с широко практикующимся во всех странах (даже при жизни авторов) изданием писем есть, вероятно, люди, которые пишут их с учетом возможной публикации в будущем, не опровергает этого положения. О содержательности и литературности письма заботятся, как правило, и без мысли о его публикации. Дело, однако, в том, что содержание и характер письма, передаваемые в нем мысли и эмоции органически вытекают из естественно возникающей потребности в той или иной стилистической форме сообщить другому лицу те или иные сведения. Этой потребностью и реально сложившимися взаимоотношениями корреспондентов определяется как содержание, так и стиль, тон, манера письма. Расчет на будущую публикацию не может изменить этого обстоятельства, вытекающего из самой природы письма.

Письма представляют собой материал, интересный и нужный преимущественно специалистам-исследователям и далеко не всегда и во всяком случае не в полном объеме представляющий широкий интерес. В научном издании писем нуждается исследователь-историк (социолог), историк общественной мысли, историк науки, литературы или других видов искусства, теоретик литературы и искусствовед, историк языка, литератор, психолог и т. п. Письма служат исследователям важным источником для установления общеисторических, биографических, историко-литературных и других отношений. Использование материала частных писем для лингво-стилистических исследований началось еще в прошлом столетии и значительно распространилось в наши дни. Подобные исследования, предпринимаемые не только в центрах, но и на периферии, требуют доброкачественных научных изданий, вполне передающих все особенности языка писем.

Далеко не всегда письма могут быть объектом прочного и длительного интереса широкого, так называемого массового читателя. Во всяком случае, массовому читателю будут скучны *все* письма; он нуждается в отборе наиболее важного и интересного, возможно даже с известной препарацией текста — в извлечениях и т. п.; вовсе не нуждается в приведении разночтений (при наличии нескольких источников или зачеркнутых слов).

* * *

В отношении эдичионных принципов эпистолярное наследие во многом сходно с неопубликованными и оставшимися в рукописях произведениями — когда единственным источником текста является сохранившаяся рукопись, которую надо только прочесть и, проверив текст с точки зрения его подлинности, протранскрибировать для печати. Проблема *выбора текста*, как правило, при этом не возникает: публиковаться должно подлинное письмо, — то самое, которое было отправлено адресату. Если

¹ Б. Томашевский. Теория литературы. Поэтика. М.—Л., 1931, стр. 4.

² Достоевский. Письма, т. I, стр. 35.

³ Из них отметим, как наиболее близкую нам по теме и по характеру ее разработки, статью Е. М. Тальман «О передаче текста исторических источников» («Исторический архив», 1956, № 5, стр. 174—186).

подлинник не сохранился и имеется несколько других, восходящих к нему документов, в основу публикации кладется тот или иной заменитель подлинника — копия, черновик, перепечатка в повременном или каком-либо другом издании, и т. д.

При отсутствии подлинника для публикации используется копия его или черновик, оставленные в архиве писателя (то, что в делопроизводственной практике получило наименование «отпуск»⁴). В бумагах А. Ф. Писемского сохранились тетради, в которые он переплел черновики всех отправленных им писем — вплоть до самых малозначительных записочек. При публикации писем Короленко, в которых этот большой мастер давал литературные консультации менее зрелым авторам и которые представляют поэтому совершенно исключительный интерес, используются его «копировальные книги» — «Редакционная и деловая переписка», содержащие оттиски писем Короленко за несколько десятилетий. Копии делались путем оттискивания написанного чернилами подлинника при помощи пресса на папиросной бумаге, которая давала на оборотной стороне не зеркальное, а прямое изображение написанного. Пять таких копировальных книг хранятся в фонде Короленко в Отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве. В Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве хранятся девять копировальных книг с оттисками писем Толстого.

С применением машинописи авторы оставляют у себя вторые машинописные экземпляры отправленных писем (обычно в практике М. Горького).

По степени достоверности копия, оставленная в архиве писателя, занимает после подлинника второе место и, в случае отсутствия подлинника, предпочитается документам иного характера.

Однако даже и в том случае, если имеется второй экземпляр машинописи, он может частично не совпадать с подлинником, в который могли быть внесены дополнения, не учтенные в копии, исправления опечаток, собственноручная подпись и т. п. Поэтому копия в качестве основного источника текста может использоваться только в случае отсутствия подлинника. Прибегать к публикации по всякого рода заменителям подлинника вообще следует только в том случае, если подлинник недоступен и разыскать его не удается. Об этом приходится говорить потому, что на практике встречаются случаи нарушения этого единственно научного и естественно разумеющегося принципа. В апрельском номере журнала «Дружба народов» 1961 г. появилась публикация заметок и писем А. А. Фадеева, в которой допущены грубые искажения и пропуски. Подготовители, положившие в осно-

ву публикации неизвестные для читателя источники, как выяснилось, даже не попытались воспользоваться оригиналами писем, хранящимися у адресата⁵.

Публикация писем не по первоисточникам, а по восходящим к ним копиям и перепечаткам, наносит существенный урон качеству издания и его научной значимости. В. И. Срезневский указал неточности, которые вкратце в академическое издание переписки Пушкина в результате воспроизведения писем не по их подлинникам⁶. Редактор т. XIV (XIII — по окончательной нумерации) советского академического издания сочинений Пушкина Д. Д. Благой, изучив историю текста пушкинских писем в печати, обнаружил постепенную его порчу от издания к изданию и убедился в том, что вместо беглой выверки по первоисточникам «дефинитивного» текста последнего издания под редакцией Б. Л. Модзалевского, к которой, как казалось вначале, должна была свестись вся текстологическая работа, придется провести сквозную и радикальную ревизию текстов всех писем Пушкина⁷. В трехтомном издании писем Белинского, подготовленном в 1914 г. Е. А. Ляцким не по автографам, в то время не собранным, а по неудовлетворительным копиям из собрания А. Н. Пыпина, были обнаружены потом многочисленные дефекты.

Естественно, что письма, подлинники которых утрачены и которые дошли до нас только в позднейших публикациях, печатаются по тексту этих публикаций с соответствующими оговорками в комментариях. Однако отношение ко всякого рода «публикациям» писем, сделанным в различных периодических и не-периодических изданиях, должно быть сурово критическим. Прежде всего, такие публикации бывают нередко заведомо неполными, иногда представляющими то или иное письмо только в отрывках. Можно было бы указать ряд случаев, когда публикуемый текст писем оказывался фальсифицированным, подновленным, «отредактированным» публикаторами⁸. Это подтверждается многочисленными примерами как из русской, так и из зарубежной практики. Автор известной книги о немецкой текстоло-

⁵ Л. Климович. Досадная небрежность. — «Литературная газета», 18 мая 1961 г., № 59.

⁶ В. И. Срезневский. О пушкинских текстах из коллекции В. И. Яковлева. — «Пушкин и его современники», вып. XXXVI. Пг., 1923.

⁷ Д. Д. Благой. Из материалов редакции академического издания Пушкина. Отчет о работе редактора XIV тома. — «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», I. М. — Л., 1936, стр. 369—373.

⁸ Н. Бродский. Фет — редактор Тургенева. — «Звенья», II. М. — Л., 1933, стр. 469—479. — А. А. Фет издавал свою переписку с Тургеневым, намеренно ретушируя свой выступающий из нее общественно-политический и литературный облик, чему Н. Л. Бродский привел множество любопытных примеров. Об обработке писем Тютчева, лишившей их первую публикацию всякого научного значения, см.: К. В. Пигарев. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962, стр. 363—364.

⁴ Термином «отпуск» документа пользуются также в теории и практике археологии.

гии Г. Витковский сообщал, что опубликованные в немецкой печати письма почти всегда намеренно или по небрежности сокращаются или фальсифицируются⁹. Поэтому при издании писем не следует доверяться вполне их прежним публикациям; прибегать к ним следует лишь после того, как будут исчерпаны все возможности отыскания первоисточников писем. Если же это почему-либо невозможно и приходится все-таки использовать публикации, читатель должен быть предупрежден об этом в аппарате издания.

Вследствие той чрезвычайной ценности, которую представляет эпистолярное наследие исторических лиц для научных исследований, было бы принципиально неправильно пренебрегать всеми возможностями извлечения текста писем из документов, не имеющих характера подлинников (по отношению к данным письмам). При отсутствии подлинников письма могут публиковаться по жандармским перлюстрационным копиям или даже цитатам. Только из этих источников известны, например, отрывок из письма Белинского к Н. М. Сатину от 15 октября 1837 г.¹⁰ и часть письма Тургенева к И. С. Аксакову от 3 марта 1852 г.¹¹ Многие письма мы знаем по копиям, включенным разными лицами в состав воспоминаний (вроде «Истории моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова, «Литературных воспоминаний» П. В. Анненкова или «Былого и дум» Герцена); в некоторых случаях приходится довольствоваться только воспроизведением цитат из утраченных писем, содержащихся в различных статьях или других письмах. Так, в Полном собрании сочинений Г. Успенского помещены цитаты из писем этого автора, приведенные в статье Н. К. Михайловского «Материалы для биографии Г. И. Успенского».

Прибегать к такого рода заменителям подлинника приходится только при его отсутствии, потому что как целостность, так и подлинность текста в них может быть нарушенной. Известно, например, что Герцен, публикуя свои письма в составе «Былого и дум», подвергал их обработке, настолько существенной, что в некоторых случаях из отрывков нескольких писем составлялось одно. Если соответствующие подлинники сохранились, переделки такого рода легко обнаруживаются, и публикация писем (но не «Былого и дум») производится по подлинникам (как это и делается в 30-томном издании Академии наук). При несохранившихся подлинниках приходится прибегать к ранним публикациям, хотя бы в них и подозревались искажения. Комментарий в таких случаях предупреждает читателя об этом.

Письма, представляющие интерес для какой-либо категории

⁹ G. Witkowski. Textkritik und Editionstechnik neuerer Schriftwerke. Ein methodologischer Versuch. Leipzig, 1924, S. 148.

¹⁰ Белинский, т. XI, стр. 184 и 629—630.

¹¹ Тургенев. Письма, т. II, стр. 49—50 и прим. на стр. 433.

читателей, нередко издавались самим автором, порознь или подборкой. Таковы, например, «Письма начинающим литераторам» М. Горького. Публикуя их в виде подборки и под общим заглавием, автор, по-видимому, приспособлял их к печати. Означает ли это, что, издавая сочинения и письма Горького, мы должны разрушить созданный самим автором цикл и печатать составляющие его письма по подлинникам, если они сохранились, среди других писем? Конечно нет. В этом случае самая цель авторской публикации — сделать материал максимально интересным и поучительным для читателя — оправдывает изменения в тексте, которые автор считал нужным сделать. Обработанные таким образом письма приобретают значение статьи и публикуются как литературно-критическое произведение — комплексом, в томах «не-писем», с соблюдением всех тех принципов, которыми руководствуются при издании художественных произведений, литературной критики и публицистики.

В рубрике писем, в зависимости от типа издания, эти письма могут быть либо вовсе опущенными, либо, — если предполагается академическое издание, — печатаются по подлинникам, без учета позднейших поправок автора.

При публикации писем, сохранившихся только в черновиках, в качестве основы выбирается сводка (верхний слой) черновика.

Выбор источника публикации писем сводится, таким образом, к отысканию по возможности отосланного адресату подлинника; если же такового не оказывается, по необходимости приходится прибегать к документам первоначальным, набросочным (черновик) или производным (копия, ранняя публикация и т. п.), которые требуют к себе гораздо более критического отношения. Из этих документов предпочтение отдается тому, который генеалогически ближе всего к подлиннику и точнее всего его отражает. В бумагах Короленко сохранились три источника письма к Х. Д. Алчевской от 20 мая 1908 г., не являющиеся подлинниками: черновой текст со многими исправлениями, первоначальная редакция с пометами: «К украинск. движ.» и «Не отослано (отослано другое)» и оттиск с отосланного подлинника в копировальной книге № 5 (л. 301—302). Последний и воспроизводится при публикации письма в Собрании сочинений Короленко¹².

Несколько сложнее решение вопроса о выборе текста публикуемых телеграмм. Собственноручно написанный и сдаваемый на телеграф подлинник не всегда сохраняется, так что здесь гораздо чаще, чем при издании писем, публикатору приходится иметь дело с «отпуском». Другим источником текста телеграмм служит наклеенная на бланк телеграфная лента, получаемая адресатом. Так как телеграмма от автора к адресату передается

¹² В. Г. Короленко. Собр. соч. в 10-ти томах, т. 10. М., 1956, стр. 436.

не непосредственно, а через неоднократную и сложную техническую трансформацию, при которой возможны ошибки (современный способ «фототелеграмм» устраняет это неудобство), в отличие от писем, при публикации телеграмм следует предпочитать исходящие документы (остающиеся у автора) тому тексту, который получает адресат: документы первого рода авторитетнее по тексту; они написаны в большинстве случаев самим автором и скреплены его подписью, в то время как телеграфная лента может содержать ошибки, обусловленные нечеткостью приема-передачи. Если сохранились все относящиеся к публикуемой телеграмме исходящие и входящие документы, они сличаются между собой и текст устанавливается критически.

Значительные трудности возникают в тех случаях, когда письма, адресованные иностранцам, переводились на их язык не самим автором. Вполне авторитетным при этом может считаться только русский текст. Но если осуществляется научное издание, иностранные тексты, которые не могли быть авторизованными, должны также публиковаться как представляющие несомненный интерес, хотя бы потому, что именно в этом виде они воспринимались адресатом. В научном издании оба текста могут быть воспроизведены вполне точно. Случаи такого рода нередки в практике Короленко, впрочем, тщательно подготавливавшего и переписывавшего начисто предназначавшийся для перевода текст, который без всяких неудобств может воспроизводиться в популярных изданиях. Сложнее решить вопрос о тексте в том случае, если автор набрасывал для перевода только черновик, как это было, например, с письмами М. Горького зарубежным литераторам. Было бы принципиально неверно публиковать эти письма по иноязычному переводу — посредством «двойного перевода»: как бы ни был точен перевод, подлинно горьковский текст со всеми его лексическими, синтаксическими и прочими особенностями при этом исчезает. Черновики же самого Горького дают только основу письма, без обращения, подписи и даты. Поэтому при издании этих писем в книге: «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами»¹³ делалась в известной мере реконструкция текста: основой служил черновик, а недостающие элементы подставлялись в редакторских скобках в переводе с иноязычного перевода¹⁴. Различия между черновиками и иноязычным текстом оказывались незначительными, обусловленными в большинстве случаев затруднениями переводчика. Возможно, что некоторые из них санкционировались автором. Поэтому наиболее существенные различия оговаривались в комментариях к изданию.

¹³ «Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами». М., Изд-во АН СССР, 1960 (Архив А. М. Горького, т. VIII).

¹⁴ Там же, стр. 10.

Выбранный источник текста, которым чаще всего оказывается подлинник письма, должен быть прежде всего прочитан и правильно понят, что само по себе может представлять уже известные трудности. Особенно это относится к рукописям XVIII в., в которых еще заметны остатки «скорописи» — особой рукописной манеры, распространившейся на Руси в XVI—XVII вв. Скоропись характеризуется недостаточным членением текста на слова, отсутствием знаков препинания, написанием ряда слов в сокращенном виде (под «титлами») или с надстрочными буквами, применением устарелых букв церковнославянской азбуки, буквенным обозначением чисел и т. п. Трудность усугубляется обычной для письменного языка XVIII в. книжной витиеватостью, громоздкой и сложной структурой предложения.

Успешное прочтение сложного рукописного текста предполагает прежде всего умение разбирать чужой почерк — определенный почерковедческий навык, приобретаемый в ходе самой работы. Исследователю необходимо хорошее знание почерка и рукописной манеры данного автора на разных этапах его жизни.

Однако одного этого никогда не бывает достаточно. Выработанный в советские годы метод чтения рукописей предполагает не механическое, а осмысленное чтение, с проникновением в содержание, с привлечением контекста как решающего условия успешного прочтения рукописи. Механическое чтение ведет к ошибкам. Особенно наглядно можно видеть это на примере некоторых зарубежных публикаций русских эпистолярных текстов. При издании писем Герцена к Астраковым в Собрании сочинений Герцена, изданном Академией наук, удалось внести ряд существенных уточнений по сравнению с первоначальной американской публикацией¹⁵, хотя эта последняя и готовилась по хранящимся в США подлинникам, а советское издание — по чрезвычайно трудным для прочтения негативным фотокопиям.

Осмысленное чтение чужого рукописного текста требует от редактора разнообразных знаний в области археографии, истории письменности и языка, исторической графики и орфографии, жизни и творчества писателя. Успех дела в значительной мере зависит от эрудированности исследователя. Труднее всего читаются или вовсе не читаются именно те слова, которых читающий не знает, и такие тексты, в содержании которых читающий лишен возможности свободно ориентироваться вследствие недостаточного знания конкретной исторической обстановки, реалий и т. п.

Необходимо прочитать не только неразборчиво написанные слова, но и слова зачеркнутые, зачеркнутые иногда густо, спи-

¹⁵ «Неизданные письма А. И. Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым». Нью-Йорк, изд. «Нового журнала», 1957.

ралью, залитые чернилами и т. п. Это делается путем пристального изучения, рассматривания на просвет, исследования штрихов, выступающих вверх или вниз за пределы строки; иногда прибегают к новейшим химическим способам и специальной фотосъемке. Для реконструкции текста в поврежденных участках подлинника (оборвано, закрыто печатью, залито чернилами, обесцвечено и т. п.) в археографической практике обращаются к различным копиям того же текста; однако при публикации писем такая возможность представляется не всегда, так как с частных писем копии снимались значительно реже, чем с документов официальных, реже бывали и публикации. Проникновение в контекст, знание жизни и творчества, стиля и индивидуальной творческой манеры писателя позволяет подготовителю текста догадываться о начертании и смысле несохранившихся слов и фраз по их рудиментам. Определение примерного числа букв, помещавшихся в поврежденном месте, значительно облегчает построение нужных гипотез. (На гипотетический характер прочтения указывают в тексте редакторские скобки, а иногда и специальные оговорки в комментариях.) Советские археографы накопили огромный опыт такой работы, особенно с рукописями древнего периода, сохранившимися хуже всего¹⁶.

Если слово или группу слов не удастся прочесть с полной достоверностью и наряду с чтением, признанным наиболее вероятным, возможно также и другое чтение, — это последнее указывается в примечании (например: «*Можно прочесть:...*»). Такое примечание, непосредственно относящееся к тексту, уместнее всего привести подстрочно.

Прочтение рукописного текста и затем его публикация вызывают и иного рода вопросы — вопросы компоновки отдельных его частей. Определение последовательности страниц текста обычно не затрудняет редактора — последовательность текста обычно бывает ясна. Трудности могут возникать при работе по фотокопиям, если подлинники отсутствуют, а отдельные снимки не пронумерованы. Указание на последовательность, помимо содержания письма, может дать в этом случае просмотр края смежной страницы, попавшего в поле зрения объектива. Кроме того, оборотный текст может определиться путем обследования изобразившихся на снимке «промокших» мест противоположной стороны и сличения этих изображений с соответствующими местами других страниц. (Между этими двумя изображениями соотношение должно быть «зеркальным».) В некоторых случаях к этому приходилось прибегать при подготовке по фотокопиям писем Герцена для собрания его сочинений в 30-ти томах.

¹⁶ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.—Л., 1948, стр. 291—293.

Затруднения вызывает также размещение тех частей текста, которые автор уже по написании письма присоединял к нему дополнительно.

Приписанное на полях или между строк бывает нередко аннотирующим замечанием, синтаксически не связанным с данным местом письма. Включение приписанного в текст в таком случае перебивало бы изложение, затрудняя понимание написанного. Поэтому такого рода приписки в лучших советских изданиях принято воспроизводить подстрочно или в конце письма, в сопровождении соответствующего пояснения: «*На полях против слов: ...приписано:*», «*Сверху текста:*...», «*Сбоку текста:*...» и т. д.

Некоторые авторы прибегали в своих письмах к подстрочным примечаниям-сноскам: в соответствующем месте текста выставлялся знак сноски, который повторялся на свободном месте внизу страницы и рядом с ним писались те дополнительные сведения, которые требовалось сообщить. Не всегда ясно, бывало ли это подстрочной сноской по самому своему замыслу или только способом подключения того, что хотели дополнительно вставить в соответствующее место письма. Этот вопрос в каждом конкретном случае подлежит особому изучению. Главным критерием при этом должно служить само содержание — вспомогательный характер сообщаемых сведений; подстрочно приходится оформлять те прибавления, которые, будучи вписанными позднее, не соотносятся с содержанием и синтаксическими связями соответствующих мест и не могут быть по этой причине вставлены внутрь текста. Для решения вопроса имеет значение также и то, писалось ли письмо с черновиком или сразу набело. У Короленко вынесение дополнительных сведений за пределы текста бывало и в беловых редакциях, в то время как известно, что он прибегал к черновикам. У Герцена, писавшего письмо сразу набело, приписки гораздо чаще могли предназначаться в текст, но оставались за его пределами по чисто технической причине — ввиду отсутствия места в уже написанном тексте. Это сказывается и на характере вписывания со стороны чисто внешней: в письмах Короленко «подстрочный» характер приписок очевиден из самого оформления, которое придал им автор: они вписывались по образцу книжных сносок — более мелким почерком и отделялись от текста горизонтальной чертой¹⁷.

Если оформленные таким образом сведения признаются авторским подстрочным примечанием, то возникает вопрос о шрифте, которым должны набираться подобные сведения. Практика публикации писем не дает здесь единообразия. В популярном

¹⁷ См., например, в Отделе рукописей ЛБ, ф. 135, копияльная книга № 5, л. 446.

Собрании сочинений Короленко авторские сноски печатались «своим» шрифтом (корпусом), в то время как в собраниях сочинений Белинского и Герцена (нередко именуемых «академическими») они набраны шрифтом уменьшенного кегля. Думается, что при публикации писем авторские подстрочные примечания уместнее набирать тем же шрифтом и помещать вслед за основным текстом письма (если оно не слишком велико по объему), а не внизу страницы.

Заключительные части письма нередко за недостатком места писались на верхних или боковых полях последней или прочих страниц, но помещаются, естественно, в конце публикуемого текста — в той последовательности, в какой они должны находиться по замыслу автора, насколько это удастся установить. То обстоятельство, что в подлиннике эти строки располагались на полях, не заслуживает специального засвидетельствования в издании — кроме тех немногих случаев, когда это каким-нибудь образом отразилось на их содержании. Так, Герцен писал: «Коле передайте боковой привет», что будет понятно читателям только в том случае, если они получат разъяснение, что слова эти вписаны на боковом поле одной из страниц письма.

После написания одного письма на верхнем поле, перед началом, Герцен поставил: «Отвечайте немедленно!» — хотя в конце письма оставалось для этого сколько угодно места. Прием этот специально рассчитывался на то, чтобы написанное таким образом сразу бросалось в глаза и обращало на себя внимание. Думается, что перед началом письма это и следует печатать.

Приписки других лиц или те части чужих писем, к которым приписывает что-нибудь автор издаваемых, помещаются в публикации, так как, кроме того, что между ними существует обычно тесная связь, наличие основной корреспонденции освобождает «приписчика» от необходимости сообщать те или иные сведения, и не будь ее, содержащиеся в приписке сведения сообщались бы, вероятно, иначе. Совместная и полная публикация этих материалов способствует более конкретному и точному представлению читателя о бытовой и идейной обстановке, в которой создавалось письмо; значительно яснее становятся побуждения, водившие пером автора, его намеки и иносказания, связь сообщаемого в письме с жизнью и творчеством писателя. Ценнейшим дополнением к письмам Герцена служат, в частности, обширные приписки (письма) его жены Н. А. Герцен, в которых она рассказывала об их общих занятиях, времяпровождении, впечатлениях, чтениях, мнениях.

Иные приписки связаны с письмом настолько тесно, что без соответствующего текста они и вовсе не воспринимаются. Сюда относятся всякого рода попутные замечания между строками чужого письма (см., например, в т. XXII Собр. соч. Герцена, стр. 87, 135). Такого рода замечания и реплики относятся обыч-

но к отдельным словам и фразам чужого письма. Поэтому при публикации этого материала в большинстве случаев нет надобности приводить в издании весь текст письма, к которому сделано одно или несколько замечаний. Помещение его в издании представляет собой публикацию не столько того, что писал данный автор, сколько того, что он читал, что также представляет, конечно, известный интерес, но этот материал находит свое отражение в специальных публикациях и исследованиях. Замечания такого рода, представляющие определенную ценность для общественно-политической или историко-литературной характеристики автора, должны находить свое место в издании писем, тем более если это издание претендует на известную полноту, и приводиться в контексте, необходимом и достаточном для понимания смысла публикуемого замечания.

В зависимости от характера приписок написанное другими лицами может воспроизводиться целиком — в тексте или в комментариях — или в извлечении, или путем передачи в комментариях их содержания, необходимого для понимания публикуемого текста. Разумеется, редакторский пересказ ни в коей мере не может претендовать на значение публикации. Больше оснований опускать при издании приписки, мало связанные с публикуемым письмом. Иногда это бывают даже обращения к разным лицам: к жене и к мужу, и т. п. (Герцен, например, адресует свою часть Н. И. Астракову, а его жена — Т. А. Астраковой.)

Другое дело — приписки, тесно связанные с текстом публикуемого письма и имеющие значение для его понимания. Такие приписки могут быть сделаны не обязательно на том же листе, что и основное письмо (это было бы формальным пониманием «приписки»); важно, чтобы по своему характеру «приписка» была дополнением публикуемого письма, посланным с ним одновременно, в общем конверте.

Если приписка издаваемого автора не связана с основным письмом своим содержанием, она публикуется отдельно — с пояснением (после обозначения адресата): «(приписка)».

Итак, приписки (или письма) других лиц публикуются при письмах издаваемого автора только в тех случаях, если они тесно связаны с письмом и существенно его дополняют, способствуя его пониманию. Без такой надобности материал этот будет бесполезно перегружать издание. Наличие в подлинниках не включенных в издание приписок других лиц оговаривается, а в случае надобности они используются в комментариях.

Всякого рода замечания, сделанные автором на копии письма после того, как подлинник отправлен адресату, или заметки адресата на тексте полученного письма представляют обычно существенный интерес, и, следовательно, желательна их публикация в научном издании. Но так как принадлежностью текста письма они не являются, публикация их должна быть отделена

от публикации самого текста. Наилучшим способом передачи таких заметок следует считать помещение их в примечаниях — с соответствующими пояснениями. Например, в копировальной книге № 5 (л. 110) возле письма к Ф. И. Шляпину с просьбой принять участие в концерте, посвященном композитору Н. В. Лысенко, Короленко приписал: «NB Послано заказным. Ответом не удостоили». Эта приписка, немаловажная для понимания существа дела, воспроизведена в Собрании сочинений в примечаниях (правда, с пропуском знака «NB» и с совершенно недопустимым искажением: «Ответа не удостоили») ¹⁸.

Сложнее вопрос о способе публикации приписок автора писем, сделанных значительно позднее отсылки письма и получения его адресатом. Герцен при подготовке «Былого и дум» делал на своих старых письмах, оставшихся в его архиве, разнообразные пометы. Итальянский текстолог Дж. Паскуали сообщает, что Петрарка имел обыкновение, так сказать, «из любви к искусству» шлифовать стилистически свои давно отосланные адресатам письма ¹⁹. Отнесясь к письму как к документу, мы будем публиковать текст подлинника, не учитывая позднейших поправок; но и обработанный текст не может не представлять интереса с точки зрения стилистической работы автора и его отношения к написанному ранее, и так или иначе должен получить отражение в научном издании. Например, можно публиковать новые приписки подстрочно, с соответствующим объяснением их происхождения.

Что касается помет (маргиналии, подчеркивания, указание времени получения и т. п.), которые делал на письме его адресат, — если этот материал представляет интерес, он может сообщаться в примечаниях, но текст письма следует оставить в том виде, в каком его отослал автор.

Случай с коллективным письмом в принципе почти ничем не отличается от письма одного автора с приписками посторонних лиц. Точно так же следует поступать с приписками других лиц и теми частями коллективных писем, которые писались не автором публикуемых писем. Все подобные тексты (не данного автора) печатаются шрифтом уменьшенного кегля.

Публикация приписок нередко наталкивается на трудности технического свойства: издательства неохотно идут на усложнение типографского набора и не хотят, например, в одной строке совмещать шрифты разного кегля. По этой причине в сочинениях Герцена ²⁰ приписки Герцена к письмам Н. А. Герцен, сделанные между строк, пришлось выделять в особую строку (корпус

среди петита), а текст письма разрывать, хотя в данном месте оно и не имело перерыва.

Различные приложения (стихотворения, документы и т. п.), пересланные адресату в том же конверте или даже написанные на общем с письмом листе бумаги, имеет смысл печатать вместе с текстом собственно письма в том случае, если материал включен в письмо органически, а не механически примкнут. Этого принципа придерживалась, в частности, редколлегия академического издания Полного собрания сочинений Пушкина.

Начинающее письмо обращение и заключительные, предшествующие подписи слова, как и сама подпись, пишутся обычно с особым расположением строк, которое в научном издании целесообразно сохранить. Инструкция по изданию писем в Полном собрании сочинений Белинского, например, предусматривала сохранение расположения строк в обращениях и подписях, а также в надписях на конвертах. В Полном собрании сочинений Г. Успенского, в публикациях писем Кольцова обращение набирается особой строкой или в подбор — в зависимости от того, как это сделано в подлиннике. И это — оправдано.

Обращения и заключения указывают на отношение автора письма к адресату и во многих случаях помогают уяснить характер и смысл письма. Они не могут поэтому не представлять для читателя определенного интереса и при публикации, как часть авторского текста, их следует сохранять. В то же время они часто носят сугубо интимный характер, вследствие чего адресаты чаще всего настаивают на изъятии из публикации именно этих элементов писем.

Подпись — имя или фамилия автора — не всегда дописывается им до конца и заканчивается обычно не поддающимся побуквенному прочтению росчерком. Было бы, однако, излишним педантизмом во всех случаях заключать недописанную таким образом часть в специальные (прямые или угловые) скобки. Полное собрание сочинений Г. Успенского, установки которого предусматривают большую точность публикации писем, подписи в таких случаях дополняет, однако, без оговорок и скобок.

Во многих изданиях писем (собрания сочинений Короленко, Станиславского, Герцена и др.) подпись выделяется шрифтом (разрядкой или курсивом), для чего мы, однако, не видим оснований. Такое выделение имело бы смысл разве в том случае, если большинство писем напечатаны на машинке или переписаны другим лицом, и только подписаны автором, так что подпись, в отличие от всего прочего текста письма, оказалась бы вписанной собственноручно; или если автор подчеркивал свою подпись в подлиннике. В обычных же письмах она может набираться «своим» шрифтом, как это сделано без всякого ущерба для публикации в полных собраниях сочинений Белинского и Г. Успенского.

¹⁸ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 10, стр. 388.

¹⁹ «Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ», т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 669.

²⁰ См., например: Герцен, т. XXII, стр. 87.

Обозначенный на конверте или в другом месте письма адрес воспроизводится после текста письма с сопровождающей пометой: *адрес*, и с другими нужными пометами («На обороте», «На конверте» и т. п.)²¹. Воспроизведение адреса требует такой же точности, как и любая другая часть письма. Адреса исторических лиц имеют несомненное исследовательское значение, могут служить основанием для датировок, атрибуции, историко-топографических изысканий и т. п., могут быть интересными и по форме (на манер тряпичкинского — в «Ревизоре» Гоголя), не ограничиваясь формальным сообщением адреса и заключая в себе иногда элементы собственно письма (например, у Лермонтова: «Его высокоблагородию Андрею Александровичу Краевскому у Измайловского моста. Спросить чей дом у Аничкова моста на Фонтанке, в доме кн. Долгорукого, на квартире кн. Одоевского»²²). В этих случаях неуместно никакое редактирование, никакая перестановка слов или подстановка — в скобках или без скобок — каких-либо «недостающих» звеньев.

* * *

Какие бы то ни было купюры при издании писем для научных целей нежелательны, но практически часто бывают неизбежны, хотя неизбежность эта и имеет обычно временный, преходящий характер. Чем ближе хронологически издаваемая переписка стоит к нашему времени, тем чаще приходится прибегать к купюрам. Публикация исторических материалов не может выполняться без учета общественно-политической целесообразности. Не только советская, но и передовая дореволюционная практика подходила к публикации писем именно с этой точки зрения. В. В. Стасов, собирая в 1887 г. материалы для издания писем И. Н. Крамского, пришел к твердому выводу, что, «хочешь или не хочешь, а нельзя всего печатать, пока люди многие живы, товарищи Крамского по делу и искусству. И у Крамского и у этих *товарищей по делу* довольно до сих пор было, есть и будет врагов, караулящих с великим аппетитом все, что этим людям и делу может нанести вред. Как же я стану выводить наружу, на радость врагам, внутренние иногда раздоры, несогласия, даже иной раз внутреннюю глухую войну? Боже меня сохрани! Пускай это делают другие, времени довольно впереди, и все материалы останутся в полной сохранности для всех желающих. Мое дело покуда другое: мое место в том состоит для настоящей пока минуты, чтоб показать всем интеллигентным людям в России, что за крупнейшая величина был Крамской и что такое он принес

²¹ В Сочинениях Лермонтова, изданных АН СССР, адрес помещается в комментариях, что едва ли оправдано.

²² М. Ю. Лермонтов. Сочинения в 6 томах, т. 6. М.—Л., 1957, стр. 756.

собою, своею личностью и деятельностью для нашего художества, художников и всего вообще русского мира. Какие ж у него были болячки и болезни, грызущие его зачастую и также, может быть, под конец жизни обезобразившие его, — на это я только укажу, но подробно рассказывать *покуда* не стану»²³.

Эти слова Стасова, и поныне сохраняющие свою актуальность, учат нас отчетливо сознавать и не упускать из виду цель и смысл публикации. Выставление напоказ личных, интимных обстоятельств жизни автора при живых еще родственниках и прочих заинтересованных лицах следует признать по меньшей мере несвоевременным. Не следует упускать из виду смысл публикации: сделать общим достоянием то, что интересно не одним только корреспондентам. Литературоведческая же публикация преследует в конечном счете еще более узкую цель — дать материал для изучения творческого наследия писателя-классика. В ней вовсе не обязательно обнажение тех сторон человеческой жизни, на которые, по словам И. А. Гончарова, простая пристойность требует набрасывать покрывало. Нельзя «забывать, — пишет по этому поводу Н. К. Гудзий, — что для литературоведческого использования биографические разыскания должны иметь свои границы, определяемые основной задачей литературной науки — познания творчества писателя, для чего из фактов его жизни должны быть разумно отобраны лишь такие, которые могут послужить разрешению этой задачи»²⁴. Иногда приходится жертвовать иными деталями, в лучшем случае представляющими только бытовой или психологический интерес. Так, в Собрании сочинений К. С. Станиславского письма к М. П. Лилиной — жене автора — печатались преимущественно в отрывках. ЦК КПСС осудил опубликование «Литературным наследством» сугубо личной, не представляющей научного интереса переписки В. В. Маяковского с Л. Ю. Брик²⁵.

А. Б. Дерман, настроенный вообще против купюр, без некоторых небольших изъятий при издании переписки Чехова с О. Л. Книппер обойтись не смог.

Инициаторами подобных изъятий выступают обычно сами публикаторы, распоряжения которых совпадают в этом случае с интересами адресатов и наследников автора. Вряд ли возможно вдаваться в рассмотрение вопроса о том, какие именно темы вызывают изъятия по этой причине, но можно с уверенностью сказать, что все они не принадлежат к числу тех, ради которых предпринимается литературоведческая, историческая и вообще научная публикация.

²³ «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 127.

²⁴ Н. Гудзий. По поводу полных собраний сочинений писателей. — «Вопросы литературы», 1959, № 6, стр. 206.

²⁵ «О книге „Новое о Маяковском“». Постановление ЦК КПСС от 31 марта 1959 г. — «Вопросы идеологической работы». М., 1961, стр. 270.

Купюры, к которым приходится прибегать по желанию адресатов, их наследников и прочих заинтересованных лиц, как правило, не затрагивают существа содержания, а касаются только обращений, концовок, интимных мест в тексте письма, не представляющих общественного интереса. Если же подобные требования простираются дальше и будут признаны нежелательными, редактор имеет возможность влиять на заинтересованных лиц путем убеждения (как это удавалось, например, А. Б. Дерману в отношении О. Л. Книппер). Вопрос о публикации или изъятии соответствующих мест письма решается в этом случае частным порядком — путем добровольного соглашения между редактором и заинтересованным лицом. В. В. Стасов при этом поступал так: «...хочу спросить трех-четырех из художников, всего больше затронутых: про Вас записано то-то и то-то у Крамского, как вы желаете: печатать или пропустить? Пусть сами решают. Про мало затронутых и не представляющих особого интереса по отзывам о них — я думаю напечатать прямо все, как есть, только вместо фамилии поставлю X, Y, Z. Но мне необходимо всего более поговорить с Дмитрием Васильевичем Григоровичем, которого Крамской честил всего более, от времени до времени, и как властолюбца, и как эгоиста, и как человека мстительного. Пусть Григорович прочтает и решит. Я думаю, он скажет: *все печатать*, как это мы с ним оба сделали при издании корреспонденции Тургенева. Жаль было бы пропускать что-нибудь. Мы, конечно, все скоро перемрем — все народ седой, а кастрированные письма не скоро кто вздумает потом печатать в их настоящем виде»²⁶.

Поскольку интересы лиц, подобных тем, о которых писал здесь Стасов, юридически никак не защищаются, решение о том, в какой мере их следует соблюдать, в каждом конкретном случае может принадлежать редактору. Г. Витковский²⁷ считал неуместным выпускать из письма что-либо значительное, коль скоро принято решение о его публикации, — даже и в том случае, если к этому вынуждают интересы живущих или другие неотклонимые требования. Он, очевидно, полагал, что купюры вообще принципиально недопустимы и что в случае, если что-то не может быть опубликовано, лучше вовсе отказаться от публикации письма. Такое мнение, высказываемое иногда и сейчас, не выдерживает критики с точки зрения элементарной логики, так как всегда в таких случаях естественнее выбирать меньшее из двух зол.

Всякое издание писем должно ограничиваться минимумом необходимых купюр, на которые в аппарате издания должны быть сделаны указания и места которых непременно обознача-

²⁶ «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 127.

²⁷ G. Witkowski. Указ. соч., S. 148.

ются в тексте. Научная публикация для узкого круга исследователей допускает в этом отношении значительно больше свободы. Едва ли верна установка Полного собрания сочинений и писем Чехова, выходявшего тиражом в 50 тыс. экз., опубликовать интимные письма писателя, которые он просил своих адресатов не только не печатать, но даже и не показывать никому. В то же время известны опыты издания для научных целей ограниченным тиражом без каких бы то ни было изъятий — писем, мало пригодных к публикации с этой точки зрения. Такова переписка Пушкина под редакцией В. И. Сайтова, издания Академии наук; трехтомное издание писем Белинского вышло тиражом 3000 экз. — с обозначенными отточиями купюрами в «непечатных» местах, но в 25 «особых» экземплярах все эти купюры были восполнены. Насколько известно, эти и им подобные издательские предприятия никогда не вызывали никакого ажиотажа, никому не нанесли вреда, и самый факт их существования мало кому известен. Полное собрание сочинений писателя вообще мало подходящее чтение для такого читателя, который мог бы проявить к этим изданиям нездоровый интерес.

Изъятия, сделанные на том основании, что автор занял по тому или иному вопросу неправильную с точки зрения издателей позицию, в научном издании вообще неуместны и должны расцениваться как фальсификация и грубо тенденциозная дезориентация читателя и науки. Во времена «культы личности» перестраховщики причинили этим способом немало вреда. В 30-томном Собрании сочинений М. Горького из письма от 1910 г. были выпущены ошибочные мысли его о Толстом²⁸, причем купюры эти в издании никак не обозначались и даже не оговаривались. Подобные же изъятия делались в письмах Белинского, Станиславского²⁹, Чайковского³⁰. Рецидивы подобных ухищрений редакторов должны теперь решительно осуждаться. Нет ничего ни странного, ни предосудительного в том, что человек другой эпохи, представитель иного класса общества понимал вещи иначе, чем понимаем их мы, кое в чем ошибался, тем более если это нашло отражение в письмах, не предназначавшихся к публикации.

Выражения, неудобные для печати (то, что Салтыков-Щедрин называл «аттической солью»), естественно, в публикации присутствовать не должны. Однако и эти купюры публикатор делает в пределах необходимого и разумного, не доводя своего отношения к материалу до стыдливости гоголевских дам, заменяв-

²⁸ И. Зильберштейн. Недостатки большого труда. — «Литературная газета», 16 июня 1956 г., № 71.

²⁹ См. об этом: Е. Сурков. Сенсация или наука? — «Литературная газета», 25 октября 1962 г., № 128.

³⁰ М. Сокольский. Классик с многоточием. — «Литературная газета», 17 ноября 1953 г., № 136.

ших эвфемизмами некоторые не слишком изящные, но вполне употребительные слова. Б. Л. Модзалевский при издании писем Пушкина допустил немало подобных излишеств. «В научном историко-литературном издании, — говорилось об этом в одной из современных рецензий, — столь же неуместны «стыдливость» и разделение материала на «приличный» и «неприличный», как и в книге по анатомии или биологии»³¹. Есть подобные излишества и в Полном собрании сочинений Белинского издания Академии наук. Этого тем более не следует допускать без надобности, что большая или меньшая фривольность письма может представлять интерес как один из показателей взаимоотношений корреспондентов. Белинскому однажды пришлось извиняться в связи с этим перед К. С. Аксаковым: «Я забыл, что не ко всем можно являться в халате, а к одним во фраке, другим в сертуке, смотря по отношениям»³². Скабрзные темы и выражения, обычные, например, в письмах Белинского к В. П. Боткину, придавали письму к К. С. Аксакову излишнюю фамильярность, не соответствовавшую действительному характеру взаимоотношений корреспондентов.

Еще менее оснований изымать из научного издания выражения и эпизоды, имеющие неприличный смысл, но обходящиеся без употребления непечатных слов.

Какая бы ни делалась купюра, в научном издании она должна быть обозначена в самом тексте и оговорена в примечаниях. Это позволяет читателю-исследователю контролировать работу подготовителя текста и, в случае особой надобности, обратиться к архиву доискиваться автографического полного чтения. Если письмо публикуется в отрывках, на это должно быть специально указано и каждый фрагмент начинаться многоточием. В Полном собрании сочинений Станиславского большая часть его писем к М. П. Лилиной озаглавлена по этой причине: «Из письма к М. П. Лилиной»³³ — вместо обычного обозначения только фамилии адресата («А. П. Чехову», «М. Ф. Андреевой» и т. п.). Эти письма, кроме того, перед началом, в конце и в середине текста имеют многоточия, обозначающие произведенные здесь купюры. Публикация, в которой произведенные купюры скрыты, представляет собой фальсификацию документа, может подвести исследователя и утрачивает поэтому свое научное значение.

Условным обозначением купюр бывают обычно отточия или ряд черточек-дефисов, вставленных в специальные (большей

³¹ Н. Н. Фатов. Пушкин. Письма. Под редакцией и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. I. (Рецензия) — «Октябрь», 1927, № 2, стр. 196.

³² Белинский, т. XI, стр. 433.

³³ К. С. Станиславский. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1960, стр. 236, 258, 259, 263, 304 и др.

частью угловые) скобки. В одних случаях (Полное собрание сочинений Пушкина) число выставляемых точек (дефисов) соответствует числу пропущенных букв; в других (Полное собрание сочинений Белинского) — все пропуски, независимо от количества выпущенного текста, обозначаются тремя точками. Система, принятая в Полном собрании сочинений Пушкина, более обоснованна, особенно в отношении тех случаев, когда выпущены слова, неудобные для печати: слова эти не принято видеть в печатном виде, но вряд ли следует затруднять читателя возможностью догадываться об их точном значении, что в ряде случаев необходимо для понимания контекста. Кроме того, при системе, принятой в Полном собрании сочинений Белинского, знак купюры не показывает количества выпущенного текста. Один и тот же знак заменяет как одно слово, так и группу слов и страницы текста. Конечно, было бы неразумно, если купюра велика, заполнять точками целые страницы, но объем выпущенного текста так или иначе, если не в тексте, то в комментариях, научное издание должно показывать.

Следует признать также неправильным укоренившееся в современной практике одинаковое обозначение купюр, произведенных издателем, и лагун, образовавшихся вследствие утраты отдельных частей текста. Интересы точности требуют дифференциации этих обозначений. При обсуждении вопроса о способах передачи источников немецкими историками предлагалось купюры издателя обозначать точками, утраченный текст — прерывистыми линиями³⁴.

В специальные скобки в местах купюр отточия заключаются во избежание принятия их за авторские отточия, которые тоже встречаются. Например, у Белинского в письме к Н. В. Станкевичу: «Давно уже решил я расстаться со своею невинностью, но сколько ни представлялось случаев и в Германии и в России, его идеальное прекраснодушие, на зло его воле, решимости и страшной охоте, не дает ему столкнуться с действительностью хотя в (из уважения к приличию заменяю слова точками)»³⁵. В издании Ляцкого, не прибегавшего к скобкам, это авторское отточие совершенно неотличимо по оформлению от многих редакторских³⁶.

При подготовке издания писем иногда приходится прибегать к изъятию части текста и по другой причине — для обеспечения

³⁴ «Versammlung Deutscher Historiker in Leipzig». — «Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». Herausgegeben von L. Quidde. Freiburg i. B. und Leipzig, Bd. 11, 1894, S. 201.

³⁵ Белинский, т. XI, стр. 394; ср. ЛБ, Отдел рукописей, ф. 21. М. 5183, № 9.

³⁶ Белинский. Письма. Ред. и прим. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914, т. I, стр. 357.

максимального «коэффициента полезного действия» издания. Не может быть признана правильной максималистская точка зрения: «в науке все может пригодиться, а потому — печатать все без всяких изъятий». Производится отбор для издания всего действительно интересного и избавление его от всего загромождающего, ненужного, не имеющего общего интереса. Чаще всего в сокращении публикуются письма корреспондентов издаваемого автора, представляющие, естественно, второстепенный интерес. В сокращении или даже в известной препарации текста в таких случаях не следует усматривать большого греха. Опыт издания первого тома переписки П. И. Чайковского с Н. Ф. фон-Мекк³⁷ показал нецелесообразность полной публикации писем корреспондентки Чайковского, и начиная со второго тома они печатались петитом и с сокращениями, обозначенными в издании специальным условным знаком: выпускались сообщения о состоянии погоды и здоровья, семейная хроника, обязательные в каждом письме поклоны, пожелания и т. п. Весь этот материал составлял в подлинниках около четверти текста писем фон-Мекк, так что экономия оказалась значительной. Говоря об экономии, мы имеем в виду не только сбережение материалов и средств (которым тоже не следует пренебрегать), но прежде всего — гораздо более важную экономию читательского труда. Все существенное, представляющее интерес для характеристики политических, художественных и других воззрений корреспондентки сохранялось в издании, как и письма Чайковского, вообще не подвергшиеся никаким сокращениям.

* * *

После выбора источника публикации, установления последовательности текста, необходимых сокращений и купюр, если таковые требуются, определяется состав подлежащего публикации текста, и можно теперь говорить о способах его передачи в печати.

Особенность письма, по сравнению с текстами художественными и публицистическими или документами типа приказов, инструкций, циркуляров, состоит в документальном и уникальном характере его основного источника, который и воспроизводится поэтому со всею потребной точностью. Другие источники, если они имеются, могут привлекаться лишь как вспомогательный материал для более полного понимания текста, для прочтения трудноразбираемых мест и т. п.

Текст писем должен быть передан прежде всего точно. Это особенно относится к научной публикации, смысл которой состо-

ит в том, чтобы дать исследователю возможность работать по публикации не прибегая к труднодоступным архивным материалам. Требование точности диктуется также и тем, что научное издание писем является средством сохранения их текста от случайной утраты подлинника — для последующих поколений.

Само собой разумеется, что никакие ошибки фактического характера в тексте писем не исправляются, а только оговариваются в комментариях. Никакое «редактирование» в обычном смысле этого слова здесь, как и вообще в текстологической работе, не может иметь места.

Требование точности передачи относится не только к заключенному в письме содержанию, но и к элементам стиля, который также должен соблюдаться и оберегаться от затрудняющих его восприятие моментов, как и при издании художественных произведений.

Однако соблюдение точности в советских изданиях никогда не означает объективистски пунктуальной передачи текста и отказа от его *критики*. Подавляющее большинство советских научных изданий текстов являются изданиями критическими, и филологическая критика текста составляет основу советского метода текстологической работы. Критика текста имеет целью приблизить его к читателю, которому в противном случае пришлось бы самому проделывать трудоемкую исследовательскую текстологическую работу, проведенную публикатором. Интересы удобочитаемости требуют, чтобы текст не воспроизводился со всеми ошибками, допущенными автором по небрежности или в результате торопливости — при указании правильного чтения в комментариях, — а наоборот — чтобы текст давался в исправленном виде, а в комментариях было указано на ошибки, допущенные в подлиннике, и приведены основания исправлений. Исправления, вносимые в текст на основе его критики, не только не опорочивают подготовленные таким образом издания и не снижают их научной ценности, но, напротив, только при условии критического воспроизведения текста и можно говорить о подлинной научности издания. Не точность буквалистская, а точность на основе научной критики текста составляет основополагающий принцип утвердившегося в Советском Союзе метода текстологической работы. Критика текста и его исправление производятся с точки зрения его подлинности. Это означает прежде всего, что непременным условием подобной работы должна быть недопустимость смешения неисправности чтения текста и ошибочности его фактических показаний: неисправность первого рода, в отличие от второй, носит непреднамеренный случайный характер, вследствие чего устранение ее соответствовало бы намерениям самого автора.

В письме к Н. П. Огареву от 15 апреля 1868 г. Герцен писал о несимпатичной ему Е. Володимировой: «Самое несчастное то,

³⁷ П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон-Мекк. Ред. и прим. В. А. Жданова и Н. Т. Жегина, тт. I—III. М.—Л., «Academia», 1934—1936.

что я не могу не сказать, что мнение ее о браке Саши — не в выражении, а в сущности — не верно». Последнее «не», вписанное Герценом между строками, изменило смысл высказывания на противоположный: автор запутался в отрицаниях, которых в предложении несколько. Опираясь на контекст, в котором мысль Герцена совершенно ясна, при подготовке ХХІХ т. сочинений Герцена мы опустили одно из отрицаний, хотя оно и вписано в подлиннике рукой самого Герцена³⁸. (В издании под редакцией М. К. Лемке — т. ХХ, стр. 250 — ошибка осталась неговоренной и неисправленной.)

Спор о преимуществах критического и дипломатического издания исторических документов (к числу которых с полным основанием относят и письма) ведется у нас со времен Баркова и Шлёцера. В немецкой археографии примечателен с этой точки зрения спор Т. Линдера, который ограничивал работу публикатора воспроизведением текста в его «чистом виде», без какого бы то ни было стеснения свободы мнения читателя попытками критического отношения к документу³⁹, и Л. Квидде, который считал влияние публикатора на читателя неизбежным и естественным⁴⁰. Характеризуя этот спор, проф. А. И. Андреев справедливо сводил его к решению вопроса о том, «в какой мере редактору позволительно подвергать свой материал интерпретации и критике», и констатировал, что вопрос этот приходится решать в том смысле, что «интерпретация научно-издаваемого источника нужна в той мере, в какой требуется понять его текст для установления самого источника, как факта, а не для критики его показаний о факте»⁴¹.

В последние годы вопрос о соотношении критических и дипломатических изданий усиленно дебатировался — как у нас⁴², так и за рубежом. Особого внимания заслуживает статья Д. С. Лихачева, в которой он убедительно показал необоснованность упрощенного представления об извечной борьбе «научного» (критического) и «ненаучного» («формалистического») направления в передаче текста исторических источников: за подобные «направления» принимались различные типы издания, определяемые целью издания и возможностями, которыми располагает исследователь. Издания любого типа (факсимильное, дипломатическое, критическое, научные реставрации) могут быть науч-

³⁸ Герцен, т. ХХІХ, кн. 1, стр. 311.

³⁹ Th. Linder. Über die Herausgabe von geschichtlichen Quellen.— «Mitteilungen des Instituts für oesterreichische Geschichtsforschung», Bd. XVI, (1895), S. 501—507.

⁴⁰ L. Guidde. Vorwort.— В кн.: «Deutsche Reichstagsakten», Bd. X, 1906. S. IV—XV.

⁴¹ А. И. Андреев. О правилах издания исторических текстов.— «Архивное дело», вып. VII, 1926, стр. 40.

⁴² См.: Д. М. Михайлова. Обсуждение вопроса о передаче текста исторических источников.— «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 239—244.

ными или ненаучными — в зависимости от правильности общих методологических принципов их выполнения⁴³.

Ссылкой на различные типы изданий решает вопрос о соотношении критического и дипломатического методов и бельгийский историк Ф. Мазе. По его мнению, в фототипических, дипломатических и критических изданиях, в зависимости от конкретных задач, применяется тот или иной способ передачи текста. При этом дипломатическое издание Мазе рассматривает как полуфабрикат критического и считает его целесообразным для особенно сложных источников, которые было бы трудно сразу издать критически⁴⁴.

Понятно, что такой материал чаще всего встречается при издании источников древнего и средневекового периодов — с их специфическим языком, существенно отличной от современной системой письма при очень плохой сохранности документов — источников текста. В отношении этих памятников может быть понята и другая, совершенно крайняя мысль, высказанная на совещании о принципах передачи текста исторических источников представителем Института истории АН СССР Н. В. Устюгов, который утверждал, что «никакой серьезный исследователь не потерпит посредничества между собой и источником. Поэтому археограф должен дать исследователю текст подлинным, а свои соображения изложить в примечаниях, ибо исследователь может с ними не согласиться»⁴⁵. Для памятников нового времени предварительная дипломатическая передача едва ли имеет смысл, так как в подавляющем большинстве случаев здесь имеется полная возможность сразу же издать текст критически. «Дипломатическое» издание писем ХІХ и ХХ вв. было бы в наших условиях вредным для дела проявлением объективизма и формализма. После некоторых «дипломатических» опытов советская археография встала на путь критического издания текстов нового времени: центральной мыслью доклада С. Н. Валка на съезде архивных деятелей РСФСР (март 1925 г.) было положение о том, что «издание текста не может ставить себе задачей фотографически точное его воспроизведение, а должна быть дана редакционная обработка текста с точки зрения определенных научных требований»⁴⁶. В другой работе тот же автор ставил вопрос об условиях, при которых «возможно так называемое исправление текста», недопустимое в дипломатических изданиях,

⁴³ Д. С. Лихачев. По поводу статьи В. А. Черных о развитии методов передачи текста исторических источников.— «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 188—193.

⁴⁴ François Masai. Principes et conventions de l'édition diplomatique.— «Scriptorium», 1950, v. I, t. 1-2, pp. 177—193 (см.: «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 240).

⁴⁵ Цит. по изложению выступления Н. В. Устюгова.— «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 242.

⁴⁶ «Архивное дело», вып. III-IV. М., 1925, стр. 47.

а также «в тех случаях когда такое исправление искажило бы документ настолько, что он изменил бы свою общественную значимость; например, если бы записочки рабочего Петра Антонова напечатать в исправленном виде, то перед нами предстал бы вместо рабочего средний интеллигент»⁴⁷.

Исправления, вносимые в текст, опираются не на субъективные (вкусовые и т. п.) соображения редактора, а на объективно-научный анализ, и должны подкрепляться научными аргументами. Ссылки на то, что в случае ошибок, допущенных подготовителем текста при «исправлении» документа, читатель окажется лишенным исходного материала для попытки самостоятельного суждения о данном текстологическом казусе,— неосновательны. Коль скоро речь идет о пользовании печатным изданием, предполагается, что читатель имеет известный минимум доверия к редактору текста, к его добросовестности и знаниям (без этого вообще невозможна была бы самая постановка вопроса о печатном издании текстов,— все стремились бы пользоваться ими в подлинниках).

Неизбежным условием всякой текстологической работы является то, что редактор — подготовитель текста берет на себя ответственность за его исправление. Гарантией того, что интересы читателя будут соблюдены, служит то, что работа редактора строго документируется и обосновывается в научно-критическом издании, с сообщением исправляемого текста в том виде, как он представлен в соответствующем источнике. Работа редактора ставится таким образом под контроль читателей.

В массовых, популярных изданиях собственно текст писем ничем не должен отличаться от установленного научно. Отличие массового издания от рассчитанного на исследователя состоит в том, что в аппарате его лишь в минимальной степени находит отражение работа подготовителей в направлении критики текста и его исправления, так как такого рода сведения массовому читателю, интересующемуся лишь содержанием писем, редко бывают нужны.

В текстах писем, если они издаются по рукописным источникам, не бывает обычно цензурных искажений или ошибок типографских. Не испытывает автор письма при создании его и никаких посторонних редакторских давлений. Вопрос об очищении текста от такого рода искажений при издании писем, как правило, не стоит. Исключения составляют случаи издания писем по прежним печатным публикациям, в которых все указанные виды искажений могли иметь место⁴⁸.

⁴⁷ С. В. Алк. А. А. Шилов. Руководство по публикации документов XIX и начала XX в. М., 1939. (Рецензия).— «Архивное дело», 1940, № 3 (55), стр. 91.

⁴⁸ Особые случаи составляют «поправки» и изъятия, произведенные близкими писателю людьми в оставшихся у них подлинниках писем. Подобные

В результате критического рассмотрения документа подготовитель текста может прийти к следующим выводам:

1) чтение явно ошибочное или испорченное каким-либо внешним вмешательством, реконструируется в тексте. Но так как при любой квалификации публикатора подобное исправление таит в себе известную опасность (за ошибку может быть принято отнюдь не ошибочное написание или ошибка будет исправлена неверно, да и самая ошибка может представлять для читателя известный интерес),— о произведенном исправлении сообщается в аппарате издания;

2) если чтение, признанное ошибочным, не поддается бесспорному исправлению, его приходится оставлять в тексте, а в комментариях сообщаются результаты критического рассмотрения текста и приводятся все обоснованные гипотезы относительно правильного чтения;

3) место, подозреваемое в искажении и вовсе не поддающееся исправлению и хотя бы гипотетическому прочтению, отмечается специальным указанием (например: «Так в подлиннике»). Такое указание снимает у читателя подозрение о неточности публикации, сигнализирует ему о возможной ошибке, повышает его собственное критическое отношение к тексту, способствуя построению гипотез относительно правильного чтения.

В новейших изданиях, в связи с общей тенденцией максимально разгружать собственно текст от всякого рода редакционно-издательских обозначений, подобные указания принято делать в подстрочных примечаниях, не обременяя текст замечаниями вроде: «sic !», «! » и т. п., к которым следует прибегать только в действительно необходимых случаях. В примечаниях под строкой могут приводиться и гипотетические чтения сомнительных мест. Так, в Полном собрании сочинений Пушкина находим сноску: «Цифры не очень разборчивы, м. б. это 35 или 30» (т. XIII, стр. 319).

Неразобранные слова в поврежденной части письма обозначаются отточиями, в которые, однако, могут быть включены отдельные буквы и знаки, читающиеся здесь без сомнения. Это служит тому же «наталкиванию» читателя на критическое рассмотрение текста и построение гипотез. Удобнее, однако, эти изолированные и по необходимости лишенные смысла рудиментарные буквы и знаки, как и указания на приблизительные размеры утраченных и непочитанных частей текста, относить в примечания, тем более что подобное прочтение отдельных букв, не будучи осмысленным, часто оказывается ошибочным. А. Н. Пыпин, а вслед

операции были проделаны с подлинниками писем Д. В. Давыдова его сыном в 1860 г. (см. «Литературное наследство», т. 19-21, 1935, стр. 313), а также с письмами Достоевского при издании его сочинений в 1883 г. (Достоевский и др. Письма, т. I, стр. 2).

за ним Е. А. Ляцкий читали в письме Белинского: «Я уж стал откровенно под...м». Так это и печаталось — с примечанием А. Н. Пыпина: «Нельзя разобрать»⁴⁹. При более пристальном рассмотрении подлинника неразобранное место оказалось не одним, а тремя словами: «подл и нагл»⁵⁰.

Точность передачи содержания писем должна быть абсолютной во всяком издании, как и точность стилистическая. Обеспечивается и точность лингвистическая: без всякой модернизации сохраняются особенности языка эпохи и индивидуально присущие данному автору. Выполнение этой задачи требует от редактора основательной лингвистической подготовки, знания языка эпохи и издаваемого автора, с тем чтобы особенности его речи не принимались за случайные ошибки. В письмах Тургенева, например, встречается слово «совпадаются» (в значении: «совпадают»: «В главном и существенном и намерения наши и вкусы совпадаются»⁵¹), «симпатический» («симпатических натур нашел весьма мало»⁵²); Белинский в письмах употребляет причастие «прочетший» (от «прочеть»: «Кудрявцев, недавно прочетший Марбаха...»⁵³). Ему же свойственно вместо союза «так как» употреблять только «как» («Переписка наша, любезный Константин, производится довольно недейтельно; но, как ее живости мешают обстоятельства, равно извиняющие обоих нас, то об этом нечего и говорить...») ⁵⁴. В письме В. В. Стасова к А. С. Суворину встречается вопиюще неправильный с современной точки зрения порядок слов: «Не только эту просьбу мою давно исполняют все мои знакомые, но даже солдаты и служащие в Публичной библиотеке»⁵⁵. Было бы грубой ошибкой нивелировать эти особенности, приводя их к современной норме, печатая: «совпадают», «симпатичный», «так как» (хотя бы и в редакторских скобках). В Полном собрании сочинений и писем Тургенева, издания Академии наук, в процитированном выше письме к Дружинину напечатано: «совпадают»⁵⁶. В гослитиздатовском собрании сочинений Тургенева в приведенной цитате со словом «симпатических» оно так и переделано в «симпатичных»⁵⁷, хотя суффикс *-ическ* прилага-

тельных чрезвычайно продуктивен в первой половине XIX в.⁵⁸ Особенности языка писателя принимаются таким образом за ошибки и «исправляются».

Если даже подобные особенности и признаются ошибочными с точки зрения норм речи, следует иметь в виду, что в частных письмах, не рассчитанных на публикацию, отношение автора к этим нормам могло быть совершенно иным, чем при создании художественных и публицистических произведений. Иным, следовательно, должен быть и подход к ним редактора.

Сказанное отнюдь не означает отвержения конъектур, которые при издании писем так же возможны, как и при издании любых других текстов. Но конъектура восполняет непреднамеренный дефект, а не ошибки, допущенные автором произвольно. Возникает, в частности, надобность в добавлении слов, пропущенных, видимо, по ошибке. Добавленные слова заключаются в редакторские скобки⁵⁹. «Впрочем, я надеюсь на Вас на каменную стену», — писал Тургенев А. В. Топорову, ведущему в России его дела. При публикации письма⁶⁰ это место дополнено словом «как»: «Впрочем, я надеюсь на Вас (как) на каменную стену». Здесь пропуск совершенно явен, и нетрудно догадаться, какое именно слово пропущено. Такая догадка тем более правомерна, что в другом письме тому же адресату Тургенев писал около этого же времени: «За Вами, как за каменной стеной, я даже и не думаю о нем»⁶¹. Точное воспроизведение фразы по автографу затруднило бы понимание текста. Если возможны сомнения, является ли подставленное таким образом слово тем, которое имел в виду сам автор, оно может быть сопровождено в публикации вопросительным знаком. Так, в письме Тургенева к С. Т. Аксакову печатается: «Боюсь я, что Вы не останетесь (довольны?) последними напечатанными мною вещами»⁶².

Однако злоупотребления приемом конъектуры при издании писем вызывали в прошлом обостренную критическую реакцию. М. К. Лемке, воспользовавшийся изданием архива декабриста Волконского для высказывания некоторых принципиальных соображений об издании писем, полагал, что всякого рода вставки, хотя они и делаются в специальных скобках, неизменно пестрят

⁵⁸ Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954, стр. 101—102.

⁵⁹ В применении для разных целей прямых и угловых скобок существует в наших изданиях большая разноречивость, как, впрочем, и в наименовании их «прямыми», «квадратными», «ломаными» и «угловыми».

⁶⁰ «Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», вып. 4. Под ред. М. П. Алексева. М.—Л., АН СССР (Институт русской литературы), 1953, стр. 332. Письма печатались здесь по автографам ИРЛИ.

⁶¹ Там же, стр. 335.

⁶² И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 201; Тургенев. Письма, т. II, стр. 336.

⁴⁹ Белинский. Письма. Ред. и прим. Е. А. Ляцкого. СПб., 1914, т. I, стр. 379.

⁵⁰ Ю. Оксман. Переписка Белинского.— «Литературное наследство», т. 56, 1950, стр. 206.

⁵¹ Письмо к А. В. Дружинину от 20 июля 1856 г.— ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 4, ед. хр. 10.

⁵² Письмо к Л. Н. Толстому от 8 декабря 1856 г.— Гос. музей Толстого, архив Л. Н. Толстого, п. 114.

⁵³ Белинский, т. XI, стр. 314.

⁵⁴ Там же, стр. 532.

⁵⁵ ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4075, стр. 60; ср. «Исторический архив», 1956, № 3, стр. 132.

⁵⁶ Тургенев. Письма, т. II, стр. 378.

⁵⁷ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 248.

текст и «нарушают цельность, а значит, и впечатление подлинности»⁶³. Автор статьи считал возможным делать подобные вставки не иначе, как в подстрочных выносках.

Подобные возражения имеют тем больше оснований, что подготовители изданий в своих коньектурах мало считаются со стилистическими особенностями издаваемого текста. В издании архива Волконского было сказано о портрете: «работа прекрасная, но сходство артистом неудачливо [схвачено]»⁶⁴. Не без основания М. К. Лемке замечал по этому поводу: «разве эта прибавка стильна?»⁶⁵ Рецензент находил также неправомерными особенно частые поправки на условной форме: «Я только молю, что [бы] вы, дражайшие, были сохранены» (стр. 275); «я имею волю государя, что [бы] торг открыть с сим народом богатым» (стр. 276). Частица «бы» вставлялась для придания сослагательной формы выражениям, вовсе ее не требующим. Это стремление свойственно и современным изданиям.

Думается, что нет также надобности в письме Тургенева вставлять: «я (на?) целых десять лет старше Вас»⁶⁶, ибо беспредложность в XIX в. была широко распространена и постепенно вытеснялась предложными конструкциями.

В письме Герцена к дочери от 19 января 1868 г.: «Сейчас получил от Огар... Смерть Касаткина его перевернула...» — Здесь не следует после слова «получил» вставлять в редакторских скобках: «письмо» или какое-нибудь другое слово, потому что текст не является непонятным, а отсутствие «нужного» слова составляет принадлежность особого лапидарного эпистолярного стиля Герцена. То же — в письме к Огареву от 10 августа 1867 г.: «Я, если б мог быть Лизе чем-нибудь, живя врозь, сделал бы это сейчас и приезжал бы к ним наблюдать...». Это место письма также не нуждается в дополнении его словом «полезен» (после «чем-нибудь») или т. п.

Иного решения требует письмо к сыну от 26 сентября 1867 г.: «1 ноября мы будем ответ.» — Здесь в редакторских скобках вставляется слово «иметь» (после «будем»), действительно необходимое и пропущенное, очевидно, случайно.

Явные описки или опечатки (пропуск, повторение или перестановка букв, неправильное согласование и т. п.) исправляются без каких-либо оговорок во всяких изданиях (например, в академическом Полном собрании сочинений Пушкина, Полном собрании сочинений Белинского и др.). «Точное» воспроизведение слу-

⁶³ М. Маврин (М. К. Лемке). Архив С. Г. Волконского. Под ред. кн. С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского, т. I, ч. I. Пг., 1918. (Рецензия). — «Книга и революция», 1920, № 3-4, стр. 46.

⁶⁴ «Архив декабриста С. Г. Волконского», т. I, ч. I. Под ред. С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского. Пг., 1918, стр. 288.

⁶⁵ М. Маврин. Указ. рецензия, стр. 46.

⁶⁶ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 261; ср. Тургенев. Письма, т. III, стр. 75.

чайных ошибок без всякой полезной компенсации только затрудняло бы чтение и понимание текста, вызвало бы недоумение и создавало технические трудности при использовании публикации в научной работе (например, при цитировании и т. п.). Отражение в публикации подобных ошибок могло бы в известной мере косвенно характеризовать условия, в которых работал автор, и его состояние (усталость и т. п.). Но это ни в коей мере не окупает связанных с буквалистской передачей читательских неудобств. В случае надобности, состояние подлинника с этой точки зрения может быть охарактеризовано в аппарате издания.

Впрочем, и это правило не является абсолютным. Е. Н. Коншина, публикуя отроческие письма Тургенева, сочла нужным сохранить ошибки, вызванные его рассеянностью (например, «за своим столо»), — «потому что этот недостаток был ему настолько присущ, что должен быть подчеркнут»⁶⁷. И действительно, — подобные ошибки в большой мере способствуют созданию у читателя представления о той детской непосредственности, в которой состоит едва ли не главный интерес публикуемых писем: «...выехавши из заставы, мы попросились идти пешком по дороге: нам позволили: только я вышел и прошел немного, как по обыкновенной мне неловкости я *посклизнулся* и бух в грязь: замарал шубу, штаны, и разорвал их! Что делать! встал да пошел. Как мы пришли к *Анне Ивановой* то меня провели в кабинет, сняли штаны и пока я дожидался, что их зашьют сидел я один около двух часов в шлафроке (...) *из нечего делать* взял я какую то книгу, которая там лежала какая? ты думаешь: Немецкий Молитвенник: я его принялся читать как мне принесли штаны...»⁶⁸.

Если бы публикатору вздумалось «причесать» такое письмо в соответствии со всеми правилами литературной письменной речи, оно утратило бы значительную часть своей непосредственности, которая создается здесь не только самой темой и манерой рассказа, но и неправильностями языка, отсутствием пунктуационных знаков и т. п.

Таким образом, научное издание эпистолярных текстов нуждается в большой тщательности, требующей от подготовителя текста исключительно внимательной и точной работы. Чрезвычайно полезно при чтении корректуры, не довольствуясь подготовленным для набора издательским машинописным оригиналом, как бы тщательно он не был выверен, вновь обратиться к подлинникам и проверить корректуру по ним. Опыт показывает, что почти всегда такая проверка обнаруживает те или иные недостатки и упущения.

Желательно, чтобы приемы публикации текста были единообразными, чтобы не было разнобоя в решении сходных случаев и

⁶⁷ «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 18. М., 1956, стр. 329.

⁶⁸ Там же, стр. 330 (подчеркнуто нами. — А. Г.).

чтобы тем самым использование издания читателем было облегчено.

В научном издании писем, и без того осложненном всякого рода обозначениями (скобки и т. п.), желательнее обходиться без звездочек или цифр, отсылающих читателя к редакторским примечаниям. Пользоваться комментарием это не слишком затруднит, так как в эпистолярных изданиях он располагается обычно по письмам, которые редко бывают особенно велики, и потому нужные сведения, или, наоборот, соответствующие комментариям места писем без труда отыскиваются. В Сочинениях Лермонтова, издания Академии наук⁶⁹, все письма снабжены нумерацией строк, к которым в затекстовых примечаниях делаются отсылки.

Тексты писем вообще не следует обременять излишними осложнениями. В дореволюционном издании Сочинений Батюшкова⁷⁰ в самом тексте писем петитом в скобках отмечались внешние особенности подлинника: складки бумаги, пятна и т. п. Но печатное издание все равно не может воспроизвести все внешние особенности подлинника, которые могут быть в общих чертах охарактеризованы в аппарате издания, если в этом есть необходимость. В тексте указания такого рода есть смысл делать только в действительно необходимых случаях — если без этого не будет, например, понятна причина неожиданного пропуска или какое-нибудь авторское замечание. Например, в письме Пушкина к брату Льву от ноября 1824 г. (близ адреса): «Я расковырял», подстрочно поясняется: «У прорванного места, близ печати»⁷¹.

В современной практике принято названия произведений, периодических изданий, сборников и т. п. ставить при печати в кавычки — независимо от того, каким способом выделялись они в подлиннике письма — кавычками, подчеркиванием или только прописной буквой. Существенным препятствием этому служит, однако, свободное варьирование авторами писем тех или иных названий, которые таким образом утрачивают свой «официальный» и обязательный характер. Пушкин, например, пишет в своих письмах: «Пушкин привезет тебе отрывок из моих Цыганов»⁷²; «В Цветах (вместо: «В „Северных цветах“») — А. Г.) встретил я тебя и чуть не задохся от смеху, прочитав твою Черту местности»⁷³, «Прочел я в Инвалиде (т. е.: в «Русском инвалиде». — А. Г.) объявление о Телеграфе» (т. е., «Московском телеграфе»); «Онегин печатается». — Почти всюду у Пушкина названия свободно видоизменяются, сокращаются и пишутся без кавычек.

⁶⁹ М. Ю. Лермонтов. Сочинения, т. 6. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957.

⁷⁰ «Сочинения К. Н. Батюшкова», т. III. СПб., 1886.

⁷¹ Пушкин, т. XIII, стр. 123.

⁷² Пушкин, т. XIII, стр. 134. Ср. факсимиле — там же, между стр. 136 и 137.

⁷³ Там же, стр. 135.

Точно так же воспроизведены они и в Полном собрании сочинений Пушкина, что не мешает читателю понимать, о каких именно произведениях или изданиях идет речь. В печати XIX в. названия часто показывались не кавычками, а курсивом, чему в рукописях соответствовало подчеркивание. Там, где такие подчеркивания были у самого Пушкина, академическое издание употребляло курсив, пренебрегая единообразием в оформлении названий, вовсе не обязательным в издании высшего типа.

Неудобство, к которому ведет стремление непременно заключить все свободно употребляемые в письме названия в кавычки, хорошо иллюстрируется следующим примером: в письме к К. С. Аксакову в ряду сочинений Пушкина Белинский называет — Сальери и Моцарт⁷⁴. Поставленное в кавычки, это искаженное название еще более обращает внимание именно своей неправильностью, которую кавычки как бы узаконивают. Е. А. Ляцкий, вообще не церемонившийся с текстами Белинского, «исправил» название, напечатал: «Моцарт и Сальери»⁷⁵.

Обычное в печатных изданиях дополнение сокращенных написаний, встречающихся в подлинниках писем, имеет смысл, так как способствует удобочитаемости текста. Педантичное следование подлиннику в ряде случаев здесь оказалось бы вредным. На то, что в подлиннике было сокращение, указывают специальные скобки, и этого достаточно.

Белинский в письмах часто оставлял недописанными (сокращал с точкой) самые различные слова: «выгнанный из универ. за леность студент»⁷⁶; «Я теперь понимаю фразу Гейне, что христ. рели. отдает все духу...»⁷⁷; «его нравств. болезнь»⁷⁸ и т. п. Все эти сокращенные написания в Полном собрании сочинений Белинского дополнялись без применения каких бы то ни было скобок. В некоторых случаях для сокращения Белинский прибегал к подобиям древних «титлов». Так, в письме к М. В. Белинской от 11 июня 1846 г.: «и он подает мне твое последнее письмо из Петербурга, к (= которое. — А. Г.) пришло в Москву в день нашего выезда и к Иванов отослал в дом Щ-на»⁷⁹. В других случаях в письмах Белинского вместо слова «который» встречается: «ктрое» (которое), «ктрых (которых)⁸⁰ и т. п.

Поскольку эти сокращения делались единственно с целью экономии, дополнение их без всяких обозначений не составляет большого греха, хотя в издании высшего типа уместнее было бы

⁷⁴ Белинский, т. XI, стр. 534.

⁷⁵ Белинский. Письма. СПб., 1914, т. II, стр. 138.

⁷⁶ Письмо к Н. В. Станкевичу от 2 октября 1839 г. — ЛБ, Отдел рукописей, ф. 21, М. 5183, № 9, л. 3; ср. Белинский, т. XI, стр. 384.

⁷⁷ Белинский, т. XI, стр. 386.

⁷⁸ Там же, стр. 401.

⁷⁹ ЛБ, Отдел рукописей, ф. 21, М. 5183, № 2/26.

⁸⁰ Письмо к К. С. Аксакову от 14 июня 1840 г. — ЛБ, Отдел рукописей, ГАИС/11, 1, № 8^b.

прибегать в таких случаях к скобкам, как это сделано в Полном собрании сочинений Г. Успенского. М. А. Цявловский считал достоинством издания писем Пушкина под редакцией Б. Л. Модзалевского то, что в нем все сокращения сохранились⁸¹.

И действительно: едва ли следует стремиться дополнять непременно все сокращенные написания. Многие из них без всякого труда и без сомнений понимаются читателями и в сокращенном виде, между тем как обилие дополнений в специальных скобках создаст затрудняющую чтение пестроту типографских знаков. Именно по этой причине А. Б. Дерман при публикации переписки Чехова с Книппер в большинстве случаев отказывался от дополнений⁸². По той же причине в этом издании в иных случаях допускались дополнения без редакторских скобок: О. Л. Книппер союз «так как» писала обычно: «тк-кк». Вставка недостающих букв в редакторских скобках представляла бы большие неудобства не только для набора, но и для читателя. Поэтому, оговорив это в своем предисловии и воспользовавшись скобками в нескольких «показательных» случаях, А. Б. Дерман не прибегал в дальнейшем к редакторским скобкам при дополнениях таких сокращений. Целесообразность такого решения едва ли вызовет у кого-либо сомнение. Точно так же при издании писем Станиславского, который многие слова для экономии времени писал сокращенно, скобки, как правило, не применяются.

Дополнения сокращений имеют целью сделать публикацию более понятной читателям. Но всякое письмо — документ, и по этой причине есть решительные противники таких дополнений. В исторической археографии наметилась тенденция отказываться от злоупотребления дополнением сокращений в редакторских скобках, которые нередко выставляются механически, без учета их действительной надобности. «Мы придерживаемся того мнения, — пишут авторы одной рецензии, — что в текстах XIX—XX вв. окончания сокращенных слов, ясных по смыслу и не вызывающих двойного толкования, должны дописываться без квадратных скобок и без особых оговорок в примечаниях»⁸³. Было бы чрезмерным педантизмом заключать в специальные скобки неясно начертанные в подлиннике окончания слов (напр., глагольные окончания *-ть*, *-тся* и т. п.). Эта чисто формальная неясность объясняется условиями скорописи и по существу в большинстве случаев не вызывает сомнений, так что публикатор в

⁸¹ М. Цявловский. Письма Пушкина в издании Госиздата. — «Печать и революция», 1927, № 2, стр. 108.

⁸² «Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер», т. I—II. М., 1934—1936. См. т. I, стр. 17.

⁸³ А. А. Зимин, Д. А. Коваленко, В. Е. Полетаев. Методическое пособие по археографии. — «Исторический архив», 1960, № 1, стр. 228. — Иную точку зрения высказывает И. А. Булыгин в статье «О передаче текста документов советской эпохи». — «Проблемы источниковедения», XI. М., 1963, стр. 74—75.

любом издании со спокойной совестью может воспроизводить такие окончания без каких-либо специальных обозначений и оговорок.

Разумеется, дополнение сделанных в письме сокращений уместно только в том случае, если есть уверенность, что в результате этого получается именно то полное чтение, которое предполагалось автором. В письме Тургенева к Анненкову от 10 января 1853 г. издание Гослитиздата печатает: «В Ярославской губернии нет крестьянина, который бы не владел частичкой земли на имя своего господина (след/овательно) ему не принадлежащей)...»⁸⁴. От такого дополнения сокращения «след.» надлежало бы воздержаться, так как за ним могла подразумеваться и форма «следственно», широко распространенная в то время. На других страницах того же издания (стр. 445, 535) в аналогичных случаях сохраняется «след.» — как в автографе. В Полном собрании сочинений Белинского, издания Академии наук, сокращение «след.» превращали в «следовательно» и вовсе без всяких указаний и скобок⁸⁵, хотя у Белинского нередко встречается и форма «следственно».

Неправильным представляется решение редакторов писем Станиславского, дописывавших в прямых скобках только те сокращения, которые допускают различную расшифровку⁸⁶. В таких случаях от дополнения следует вообще воздерживаться, как это делается при подготовке 30-томного собрания сочинений Герцена, в котором слова остаются в сокращенном виде, если дополнение их допускает различные варианты.

Другим важным условием допустимости дополнений должна быть уверенность редактора в том, что сокращения сделаны по причинам техническим и не составляют особенности эпистолярной манеры автора. Это касается, в частности, употребления инициалов вместо обозначения полных имен и фамилий. Дополнять инициалы следует с большой осмотрительностью, а лучше всего этого и вовсе не делать, приводя полное наименование лиц в комментариях. Подобные сокращения составляют часто особенность эпистолярной манеры писателя, и сам по себе небезынтересен тот факт, что корреспонденты могли понимать, о ком идет речь, даже при таких литературных обозначениях. «Он метил при Н. П. в обер-прокуроры», — пишет Тургенев Герцену. Издатели Собрания сочинений Тургенева (т. 12, стр. 292) воздерживаются от дополнения инициалов, поясняя лишь в комментарии, что имеется в виду император Николай I. Отказ от дополнения

⁸⁴ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 136. См. также стр. 502.

⁸⁵ См., например, т. XI, стр. 534; т. XII, стр. 65. 11 св. и 14 св.; стр. 281, 11 св. В подлинниках всюду — «след».

⁸⁶ К. С. Станиславский. Собр. соч. в 8 томах, т. 7. М., 1960, стр. 51—52.

в этом случае тем более обоснован, что от полного написания имен царей в иных контекстах предпочитали воздерживаться. Не следует также забывать, что инициалы «Н. П.», кроме «Николай Павлович», могут иметь и иную расшифровку — «Николай Палкин». Какую именно имел в виду автор письма, — сказать трудно; очень возможно, что и ту и другую, — как бы на выбор адресата.

В гослитиздатовском Собрании сочинений Тургенева инициалы во многих случаях не дополнялись, хотя бы это и можно было сделать вполне точно. В частности, не дополнялись инициалы адресата, употребленные как обращение к нему: «Спасибо тебе, милый К. — за присланное письмо...» (Кетчеру, стр. 137); «Спасибо Вам, милый П. В., за...» (П. В. Анненкову, стр. 134). Адресат перед письмом всегда обозначен, и смысл инициалов поэтому ясен. В этом отношении не претендующее на научность издание Тургенева оказалось «академичнее», например, Полного собрания сочинений Белинского, издания Академии наук, в котором инициалы дополнялись, если это можно было сделать с несомненной правильностью. Впрочем, и в этих случаях Полное собрание сочинений Белинского не всегда прибегало к дополнению инициалов. В т. XI (на стр. 394) оставлено как в автографе: «...Каролина Карловна Павлова (жена Н. Ф., урожденная Яниш) превосходно переводит Пушкина на немецкий язык». И это правильно: автор мог употреблять инициалы писателя, известного как «Н. Ф. Павлов», не имея в виду их обязательной расшифровки. Можно даже представить себе (к Тургеневу в данном случае это относиться не может), что автор письма, употребляя таким образом инициал, вовсе и не знал полного звучания соответствующего имени. Было бы тем более неверным дополнять до полного имени и такие инициалы.

Короленко пишет О. В. Аптекману: «Вспомните, что знаменитая в свое время полемика «Недели» (П. Ч.) и «Отеч. Зап.» (главным обр. Михайловский) возникла из-за «неверия Успенского... в народ!» (копировальная книга № 5, л. 335). В Собрании сочинений Короленко (т. 10, стр. 441) инициалы «П. Ч.» не дополняются, хотя известно (об этом сказано в примечаниях), что имелся в виду публицист Петр Червинский. Инициалы употреблены, по-видимому, сознательно — как криптоним, которым подписывались определенные статьи, под этим криптонимом и получившие известность.

В издании писем Белинского под редакцией Ляцкого инициалы развертывались без всяких скобок, а в примечаниях за текстом на это указывалось. Например, — примечание к стр. 357 (т. II): «Кланяйся Наталии Александровне» — Герцен; в подлиннике сокращено: «Кланяйся Н. А.» — Не лучше ли в тексте оставить инициал, а в примечаниях, поскольку там все равно приходится делать пояснение, указывать полнее имя лица, к ко-

торому относятся инициалы? Если одни и те же инициалы встречаются часто, возможно раскрыть их только в первом случае, оставяя последующие в сокращенном виде⁸⁷. «Кому не оставя, — писал в цитировавшейся выше рецензии М. К. Лемке, — (...) что «К. З. А.» означает много раз упоминаемую раньше и позже княгиню Зинаиду Александровну (стр. 373) — и т. д., между тем все это и многое другое включено в прямые скобки и местами страшно пестрит текст»⁸⁸.

Иначе следует подходить к дополнению сокращенных написаний при публикации черновых редакций писем: в черновиках сокращения делаются автором для самого себя и ненадолго — до переписывания набело, вследствие чего сплошь и рядом они непонятны читателям. Вместе с тем, сокращения в черновиках, как правило, не имеют никакого другого смысла, кроме экономии времени и сил; не исключено, что могут найтись читатели, которым такие сокращения представят некоторый интерес для характеристики способа работы автора над письмами. Но подобные интересы не могут быть вполне удовлетворены без обращения к автографам, и печатная публикация может их не учитывать. Сокращения черновиков дописываются — в скобках или без скобок — в зависимости от назначения издания и от того еще, публикуется ли черновик как другая редакция или как текст письма — в случае отсутствия подлинника.

Таким образом, при решении вопроса о дополнениях должны приниматься в расчет причины сделанных сокращений: экономия сил, особенности стиля, конспиративные соображения и т. п.

При дописывании означающие сокращения точки перед открывающей скобкой в одних изданиях сохраняются (академическое издание Пушкина⁸⁹), в других — нет. Думается, что научная публикация должна сохранять эти точки, так как, будучи поставленными на концах сокращенных слов, они указывают на намеренность сокращения, тогда как отсутствие точки должно бы было означать слова, окончания которых остались незафиксированными по другим причинам. Точка, таким образом, служила бы здесь дифференцирующим знаком, имеющим определенный смысл.

Целям сокращения служат также различные знаки, применяемые в эпистолярной практике вместо буквенного письма. Даже в больших, академических изданиях подобные обозначения, если они делались только из экономии, заменяются словами. «Слова, написанные не всегда буквами, — говорится в Полном собрании сочинений Пушкина, — (с чем в эпистолярной скорописи приходится сталкиваться постоянно) и полное чтение которых не вызывает вместе с тем никаких сомнений текстологического

⁸⁷ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 339—340.

⁸⁸ М. Маврин. Указ. рецензия, стр. 47.

⁸⁹ Пушкин, т. XIII, стр. 418.

порядка, восполняются и дописываются в основном тексте без угловых скобок»⁹⁰.

Короленко пишет Шаляпину: «...если бы могли заручиться Вашим согласием — исполнить в предполагаемом концерте несколько №№ из лисенковских композиций»⁹¹. В собрании сочинений Короленко (т. 10, стр. 388) печатается: «...номеров». 1 июня 1868 г. Герцен запрашивал Огарева «насчет *f* Сазонова», и не было бы большой беды, если б знак *f*, употребленный Герценом для экономии сил (в предшествующих письмах об этом уже была речь), передавался бы на печати словом: «смерти».

Но было бы неправильно к подобной словесной замене безоговорочно прибегать в тех случаях, когда знак или рисунок применяется не экономии ради, а как иносказание. «...Будемте стрелять (тетеревей)», — напечатано при публикации письма Тургенева к Фету с примечанием: «В подлиннике вместо слова — рисунок»⁹². В данном случае, поскольку он оказался в томе единичным, издательство сочло возможным заменить пиктографический элемент словом (форма «тетеревей» соответствует словупотреблению Тургенева, известному по другим письмам — ср. там же, стр. 331, 351). В изданиях научного типа уместнее в таких случаях прибегать к факсимиле, как это и делалось, например, в сочинениях Герцена (см. т. XXII, стр. 37, 85; XXIX, кн. 1, стр. 353; т. XXI, стр. 402: «...живет за ∞ пространств(вом)»).

Действие, обратное дополнениям сокращенных написаний, представляют собой сокращения, производимые подготовителем текста: сокращаются наиболее употребительные, преимущественно служебные слова, вроде: «то есть» («т. е.»), «таким образом» («т. о.»), обращения: «милостивый государь» («м. г.») и т. п. Подобные слова встречаются в письмах не так уж часто, так что никакой сколько-нибудь ощутимой экономии места или труда наборщиков эта мера не дает. Будучи вполне бесполезной, она только снижает точность передачи текста. Обычно на таких сокращениях настаивают издательские корректоры, — на том основании, что этого требует какая-нибудь внутрииздательская инструкция, отнюдь не имеющая в виду тексты, воспроизводящие автографы классиков.

* * *

Дореволюционная практика нередко вовсе лишала иноязычные тексты необходимых при них переводов, предполагая читателя, в такой степени владеющего основными иностранными языками, чтобы безошибочно понимать встречающиеся в пись-

⁹⁰ Пушкин, т. XIII, стр. 418.

⁹¹ Копирова́льная книга № 5, л. 110.

⁹² И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 12. М., 1958, стр. 316.

мах иноязычные тексты. Эта манера перекочевывала на первых порах и в некоторые советские издания, но была решительно отвергнута как чуждая назначению советских изданий^{92а}.

Современные советские массовые издания склоняются скорее к противоположной крайности: к публикации иноязычных писем только в переводе — без приведения авторского иноязычного текста. Если издание рассчитывается на самый широкий круг читателей-неспециалистов, против этого трудно возражать. Помещение наряду с переводом оригинального, иноязычного текста имеет преимущественно контрольное, документирующее значение, которым «широкий» читатель обычно не пользуется. Но совершенно необходимо во всяком издании указывать, что публикуемый текст представляет собой перевод. Этого не сделано в гослитиздатовском издании сочинений Тургенева. В предисловии «От составителей» (т. 12, стр. 6) сказано, что «письма, написанные в подлинниках на французском, немецком или английском языках, печатаются в переводах». Но читатель не может знать, какое письмо писано по-русски и публикуется таким образом в его подлинном виде и какое — на ином языке. Недостаток этот следует отнести к числу вопиющих и совершенно недопустимых.

Различные языки не совпадают в своих средствах; естественно поэтому, что при переводе исчезают многие стилистические оттенки и даже оттенки значения. Переведенный текст нельзя поэтому безоговорочно считать текстом данного автора. И, так же как «изложение своими словами», о котором писал Ф. Энгельс⁹³, издание текста только в переводе вообще не должно считаться публикацией. Не только стилистическая, но и смысловая точность такой передачи ничем не гарантирована.

По этой причине естественно также и то, что переводы — безразлично, за текстом письма или в конце тома — печатаются обычно более мелким шрифтом (или шрифтом того же кегля, но при наборе без шпон, если тексты писем набирались на шпонах).

Если же в письме, писанном по-русски, встречаются лишь отдельные слова и выражения на иностранном языке, — они воспроизводятся точно и переводятся подстрочно. Было бы грубой ошибкой заменять в самом тексте иноязычные слова соответствующими русскими или хотя бы транслитерировать их. Использование иностранных слов и выражений само по себе составляет важную черту в характеристике эпистолярной манеры автора, да и его самого.

Точно так же — как в основной публикации, так и в переводе — должны сохраняться в оригинальном виде иноязычные слова и выражения, вкрапленные в письмо, писанное не по-рус-

^{92а} См.: М. Маврин. Указ. рецензия, стр. 47.

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 489.

ски. Эти элементы письма переводятся подстрочно при публикации перевода (см. например, в сочинениях Герцена, изданных Академией наук СССР, т. XXIII, стр. 221 и др.).

Относительно места расположения переводов писем, целиком или в значительной своей части написанных на иностранном языке, практика показывает такую зависимость: чем более «научно» издание, чем более квалифицированным предполагается читатель, тем чаще переводы отрываются от соответствующих иноязычных текстов. В сочинениях Лермонтова в издании Академии наук переводы иноязычных писем помещены среди комментариев, в Полном собрании сочинений Пушкина — особым отделом — после примечаний. В других случаях они помещаются непосредственно вслед за соответствующим письмом в его авторском виде.

Переводы отдельных иностранных слов в некоторых изданиях Гослитиздата (Короленко, т. 10) даются не подстрочно, а в примечаниях, располагаемых вслед за текстом каждого письма. Помимо того, что это создает разнобой в принципах различных изданий (ср. гослитиздатовские 10-й том Короленко и 12-й Тургенева), помещение переводов среди прочих примечаний к данному письму нежелательно еще и потому, что расположение переводов иностранных слов должно обеспечивать читателю быстрое разыскание нужного перевода и наибольшее удобство сопоставления с соответствующим оригинальным текстом. Удобнее всего помещать то и другое на одной полосе. В изданиях научно-массового типа, выпускаемых Гослитиздатом, это особенно важно. Неудачно решение Полного собрания сочинений и писем Тургенева, помещающего (в серии писем) переводы отдельных слов и выражений среди примечаний, расположенных в конце каждого тома.

Переводы иностранных слов, данные в виде подстрочных сносок, никогда не рассчитываются на самостоятельное чтение — в отрыве от текста письма. При наличии в тексте и соответственно перед сноской отсылочных номеров или звездочек читатель имеет возможность без труда отыскивать к встречающимся иностранным словам переводы-сноски. Поэтому повторение под строкой переводимых иностранных слов было бы совершенно излишней роскошью, и подавляющее большинство изданий к этому не прибегает.

Помещаемые подстрочно переводы иноязычных слов следует начинать строчной или прописной буквой — в зависимости от того, как этого требует поясняемый текст письма. Перевод иноязычных слов, стоящих в письме после точки и начинающих собой новое предложение, естественно, и в сноске будет начинаться прописной буквой. Прописной буквой начинаются также собственные имена. Но нет никакой надобности все подстрочные переводы начинать с прописной, хотя бы по смыслу в контексте

этого и не требовалось бы, — как это сделано в некоторых изданиях Гослитиздата (собрания сочинений Гончарова, Тургенева, Короленко).

* * *

Текст телеграмм обычно для краткости лишается коротких служебных слов — предлогов и союзов, и эта их особенность вполне правомерно сохраняется при публикации. Восстановление публикатором этих словечек лишило бы текст характерного для данного случая телеграфного стиля. В Полном собрании сочинений Г. Успенского отсутствующие служебные слова в телеграммах восполняются в редакторских скобках, например: «Постарайтесь приехать. Буду ждать (в) пятницу. Успенский»⁹⁴ Однако этот прием, лишая текст существенных стилистических черт, ничего не дает взамен, так как в телеграммах выпускаются лишь те служебные слова, которые легко восполняются адресатом, а текст, понятный адресату, точно так же понятен и читателям.

* * *

Другие редакции и варианты писем помещаются в изданиях научных, преследующих исследовательские цели, но, разумеется, как правило, совершенно излишни в обыкновенном «читательском» издании.

«Другие редакции» писем содержат прежде всего их черновики, публикуемые со всеми принадлежащими к ним зачеркнутыми и прочими вариантами.

Черновики писем отнюдь не однотипны и могут иметь значительные различия. Если черновик создавался как окончательное, подлинное письмо, оказавшееся в ходе работы неудавшимся и превращенным поэтому в черновик, — такой черновик по тексту обычно не сильно отличается от окончательного текста письма. Другое дело — черновик, созданный со специальной установкой на «репетицию» — предварительную выработку плана и стиля письма. Такой черновик может иметь местами характер конспекта и в отдельных частях во многом не соответствовать подлиннику; он содержит много сокращенных написаний и условные обозначения.

Возможны случаи, когда существенно отличный от окончательного черновой текст письма представляет самостоятельный интерес и признается заслуживающим особой публикации в качестве другой редакции того же письма. По малочисленности таких случаев особый отдел «Другие редакции» здесь не всегда целесообразен. В Полном собрании сочинений Л. Толстого по-

⁹⁴ Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. XIV. М.—Л., 1954, стр. 16.

добные черновые редакции печатались вслед за основным текстом и тем же шрифтом, но без шпон, которые применялись при наборе основного текста.

Если письмо печатается по черновику, оно воспроизводится в виде «сводки», т. е. окончательного связного текста. Нередко, однако, оказывается, что окончательный, «верхний» слой не является связным. В этом случае в него в специальных скобках могут быть включены необходимые для связи зачеркнутые элементы. Весь же черновик, со всеми его вариантами, если издание по своей целевой установке этого требует, публикуется в отделе других редакций и вариантов. Именно так поступали при подготовке академического Полного собрания сочинений Пушкина⁹⁵.

Кроме черновых редакций, в разделе «Другие редакции и варианты» в некоторых (весьма редких) случаях публикуются собственно другие редакции, сочиненные как окончательные письма, а не как подготовительные черновики. Так, в академическом Полном собрании сочинений Пушкина в этот отдел включена прижизненная печатная редакция письма А. С. Пушкина к В. Л. Пушкину 1816 г., опубликованная без ведома поэта и значительно отличающаяся от редакции сохранившихся списков, признанной более авторитетной.

Наряду с публикацией целиком других редакций писем в научных изданиях существенное значение имеет воспроизведение в виде вариантов зачеркнутых элементов письма. Пользуемся научным изданием исследователю зачеркнутые варианты писем могут указать на отношение автора к тому, о чем он пишет, показать ход его мысли, его стилистическую работу, и т. п. В письме Герцена к Астраковым от 4 ноября 1839 г.: «Слышали ли вы о освобождении Витберга?»⁹⁶. — В подлиннике вместо слова «освобождении» стояло ранее «прощении», которое автор счел, видимо, неподходящим, и оно было густо зачеркнуто.

Черновые варианты писем точно так же дают представление о становлении текста письма, как это бывает в случае с произведениями художественной литературы. Изучение черновых вариантов письма Л. Толстого к крестьянину Шильцову вознаградило Л. Н. Большакова «принципиально важными находками, расширяющими наши представления о взглядах Толстого и, конечно, о его безграничной взыскательности к себе...»⁹⁷. Анализ черновых редакций и вариантов писем Пушкина позволил

⁹⁵ Пушкин, т. XIII, стр. 361.

⁹⁶ Герцен, т. XXII, стр. 50.

⁹⁷ Л. Н. Большаков. Творческая история письма Л. Н. Толстого к крестьянину Шильцову. — «Уч. зап. Орского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко», 1962, вып. 4, стр. 205.

Б. В. Казанскому сделать ряд ценных наблюдений работы Пушкина над письмами⁹⁸. Самое количество зачеркиваний в черновике для внимательного исследователя может иметь значение (см., например, соображения Б. В. Казанского об уточнении датировки письма Пушкина к Бенкендорфу, о душевной настроенности поэта при сочинении писем, о характере его отношений к адресатам и т. п.⁹⁹).

По всем этим причинам представляется сомнительным принцип, проведенный при издании писем А. Ф. Писемского: «Из черновых вариантов в текст вводятся только имеющие смысловой характер, зачеркнутые неудачные написания не воспроизводятся»¹⁰⁰. В пунктуальном издании, сохраняющем даже «хаотичную», по выражению редакции, пунктуацию автора и написания вроде «сей час», «щастье», «нашет», уместно было бы привести все авторские варианты, тем более что количество вариантов к письмам обычно бывает очень невелико. Варианты к каждому тому писем Герцена, писавшихся, по-видимому, сразу набело, едва ли бы заняли более одной страницы. Поэтому выносить их в специальный отдел, помещаемый в конце тома, — нецелесообразно, так как там они совершенно пропадут: едва ли какой читатель соберется разыскивать к столь немногочисленным и мелочным разночтениям соответствующий текст, для того, чтобы проследить его трансформацию под пером автора. По той же причине неудобны варианты, затерянные среди затекстовых примечаний к письмам, как это сделано (непоследовательно и неполно) в Собрании сочинений Герцена. Другое дело, если зачеркнутые варианты будут представлены в самом тексте в специальных скобках, как, например, в академическом издании сочинений Пушкина. В этом случае читателю не придется делать самого обременительного — разыскивать к разночтениям соответствующий текст; он получит оба эти компонента в соединенном виде и будет иметь возможность без излишних усилий сопоставлять и анализировать текст. Соображение о том, что такой способ публикации вариантов будет «загрязнять» текст, ухудшая внешний вид печатных страниц издания, — не должно приниматься в расчет, потому что положительная сторона здесь значительно перекрывает отрицательную. В подлинных (беловых) письмах зачеркнутых вариантов бывает очень немного, так что существенного осложнения набора и затруднений при чтении это не вызовет. Черновым же письмам самим их назначением положено быть «грязными».

⁹⁸ Б. Казанский. Письма Пушкина. — «Литературный критик», 1937, № 2, стр. 90—105.

⁹⁹ Там же, стр. 99—101.

¹⁰⁰ А. Ф. Писемский. Письма. Подготовка текста и комментарии М. К. Клемана и А. П. Могиланского. М.—Л., изд. АН СССР, 1936, стр. VI.

Зачеркнутые варианты могут приводиться также в подстрочных сносках, как это делается в Полном собрании сочинений и писем Тургенева.

При издании писем в Полном собрании сочинений Белинского зачеркнутые слова (как это объявлено в предисловии к письму — т. XI, стр. 6) приводились в подстрочных примечаниях, «если они тут же не повторены». (Сличение некоторых опубликованных здесь писем с подлинниками показывает, однако, что это условие соблюдалось не всегда.) На первый взгляд, действительно, зачеркнутый и употребленный вновь вариант не свидетельствует ни о чем, кроме испытывавшихся автором колебаний при написании данного слова: такие колебания могли быть при написании любого другого слова, не зачеркивавшегося автором. Однако и такой вариант может представлять интерес как фиксация сомнений и раздумий автора. В изданиях высшего типа зачеркнутые варианты следует приводить все, без всякого отбора, так как нельзя наперед угадать, какой вариант может оказаться или не оказаться интересным в каком-либо исследовательском аспекте.

Еще реже, чем зачеркнутые варианты, в научных изданиях писем отмечаются варианты, создававшиеся путем вписывания слов на полях или между строками письма, между тем как они точно так же важны для выявления хода работы и мысли автора. Эти вписанные элементы вставляются в публикации на свои места, но представление читателя о процессе становления текста письма было бы неправильным и неполным, если бы самый факт позднейшего приписания был от него скрыт. Целесообразно поэтому так или иначе обозначить его в научном издании. Это может быть сделано двояким способом: подстрочным указанием на то, что такие-то слова вписаны (академическое Полное собрание сочинений Пушкина) или публикацией первоначальных чтений в качестве вариантов — в отделе вариантов.

Следует признать неправильным положение некоторых инструкций, согласно которому даже для произведений вписанное на полях или между строками никак не отмечается, если у редактора не возникает сомнений относительно того, к какому месту принадлежит вставка.

Фиксация варианта, вписанного между строк, представляется желательной в таком, например, случае: в письме юноши Тургенева от 24 марта 1831 г. значится: «После времени обеда поехали мы с Г-ном Лобановым к Гагариным...»¹⁰¹. В публикации «Записок Отдела рукописей» Библиотеки им. Ленина подстрочно дано пояснение, что слово «времени» вписано под строкой, что в значительной мере объясняет тяжеловесность употребленной конструкции.

¹⁰¹ «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 18. М., 1956, стр. 330.

* * *

Одним из наиболее сложных разделов текстологической работы вообще и, в частности, при издании писем, является транскрипция текста, т. е. передача его не побуквенным копированием подлинника, а с изменением внешних приемов письма в соответствии с современными требованиями, при сохранении содержания и стиля подлинника. Существенной частью этой работы является перевод текста на современную орфографию.

Выполнению этой задачи основательно мешает распространенный даже среди лиц, занимающихся изданием текстов, недостаток правильного, научного понимания соотношения между орфографией и языком¹⁰², графемой и фонемой, буквой и звуком, несмотря на то, что соотношение это многократно разъяснялось в лингвистической литературе¹⁰³. Необходимо ясно представлять себе границы, объем понятия «орфография», с тем, чтоб не допускать нередко связанной с этим путаницы, когда к «орфографии» относят явления языка.

Еще чаще встречается неразличение понятий «орфография» и «графика». Графика представляет собой систему зрительно воспринимаемых знаков, применяемую как средство общения. Она устанавливает соотношения между звуками и буквами без учета значимых частей слова (морфем). Орфография же не ограничивается установлением соотношения между звуками и буквами, а устанавливает единые правила написания морфем¹⁰⁴.

Значительная часть тех особенностей написания, которые обычно относят к «орфографии», должны относиться к области «графики», на которую орфография опирается. Графическими (а не орфографическими) являются те правила правописания, которые сохраняются в силе относительно всех морфем и всех частей речи.

Графика представляет собой только способ обозначения звуков буквами. Условно-графическая форма применяемых на письме знаков (букв) не является существенным признаком публикуемого текста, так как она не затрагивает языка. «Графика

¹⁰² Под «языком» здесь и в дальнейшем имеются в виду средства языка в речи.

¹⁰³ См. об этом: А. Б. Шапиро. Русское правописание. М., 1961, стр. 30.— Вопрос об отношении русского правописания к русскому языку рассмотрен также в трудах: И. А. Бодуэн-де-Куртене. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912; Д. Н. Ушаков. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. Изд. 2. М., 1917.

¹⁰⁴ «Необходимо отличать правила алфавита, т. е. способы изображения фонем данного языка, совершенно независимо от того, как пишутся те или иные конкретные слова, от орфографии в собственном смысле этого слова, т. е. способа написания конкретных слов» (Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1957, стр. 135).

письма является только средством для передачи речи и важнейшие закономерности письма лежат не в графической, а в лингвистической области»¹⁰⁵. Поэтому упорядочение чисто внешней, графической стороны текста при сохранении всех устарелых написаний, отражающих особенности языка, ни в коей мере не затрагивает содержания, точного смысла и стилистических особенностей текста, который остается с этих точек зрения вполне неизменным. «Написания *цыган* или *циган*, — пишет И. А. Бодуэн-де-Куртене, — *цырюльник* или *цирюльник*, *цынга* или *цинга* (...), *цблую* или *цалую* или *цэую* (...) не связаны вовсе с произносительно-слуховыми различиями и вызывают в произносительно-слуховой области одинаковые обнаружения»¹⁰⁶. Чисто графические особенности не имеют существенного значения для изучения памятников новой письменности в каком бы то ни было аспекте (кроме, разве, специального — историко-графического).

Реформа 1918 г., бывшая скорее реформой русской графики, чем орфографии, не затронула существенной стороны речи — явлений языка. Между орфографией прошлого, XIX в. и современной русской, несмотря на заметные внешние отличия (эти отличия — преимущественно графические), нет существенных различий, что делает эту последнюю вполне пригодной для передачи текстов 100—150-летней давности.

В первые годы Советской власти, когда часть текстологов и некоторые печатные органы настаивали на воспроизведение классических текстов по старой, дореволюционной орфографии — во избежание якобы неизбежного при новой орфографии искажения языка, на различие между языком и орфографией указал Н. С. Державин¹⁰⁷. Еще ранее В. И. Чернышев показал, как мало значения придавали орфографии — этой «геральдике языка» (Пушкин) — многие русские писатели и насколько наша орфография «не связана с именем знаменитых писателей»¹⁰⁸. Теперь даже лингвисты справедливо считают, что «вопрос о вариантах транскрипции, различие между которыми лишено фонетических оснований, для изданий недипломатических — вопрос не принципиальный...»¹⁰⁹. Конечно, издание в этом случае «утрачивает значение источника, пригодного для исследования указанных явлений графики, но от наборного издания и невозможно

¹⁰⁵ В. А. Истрин. Некоторые вопросы теории письма. (Типы письма и их связь с языком). — «Вопросы языкознания», 1953, № 4, стр. 121.

¹⁰⁶ И. А. Бодуэн-де-Куртене. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912, стр. 78.

¹⁰⁷ Н. Державин. О языке и орфографии Пушкина. — «Книга и революция», 1920, № 6, стр. 15—19.

¹⁰⁸ В. И. Чернышев. Из истории русского правописания. — «Известия Отделения русского языка и словесности», т. IX, кн. 4, 1906, стр. 1—48.

¹⁰⁹ С. И. Котков. О совместном издании древнерусских скорописных памятников лингвистами и историками. — В кн.: «Лингвистическое источниковедение». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 17.

требовать, чтобы оно удовлетворяло и этой цели. Графику следует изучать по рукописям или фотокопиям»¹¹⁰.

Поскольку применение при публикации письма той или иной орфографии не влияет на существо его содержания, — если главная цель издания состоит в том, чтобы донести до читателя заключенное в письме содержание (подавляющее большинство выходящих у нас изданий преследует именно эту, чисто коммуникативную цель), — не следует фетишистски копировать все особенности написания подлинника, архаизируя орфографию, затрудняя читателю восприятие этого содержания. Следует, наоборот, средствами современной орфографии прояснять смысл авторского текста¹¹¹. Нет также смысла воспроизводить различные мелкие описки и неточности подлинника (случайно пропущенные буквы, дважды написанные слоги и т. п.), орфографический разнобой. Все это отвлекало бы на себя внимание читателя, затрудняя понимание написанного. «Я могу вам довести до Генуи», — пишет Герцен сыну о своей дочери Тате 19 октября 1867 г. Написание через «с» или «з» уточняет значение глагола и, подходя формально, следовало бы оставить «с» («довести») — как у Герцена, хотя по смыслу как будто бы требуется «дovести» (от Ниццы до Генуи). Но публикатор не должен решение подобных задач предоставлять читателю, если они бесспорно решаются анализом текста. В том же письме далее значится: «...чтоб Тате меньше вести...» (и в других письмах — «увести», «свести» — когда надо: «увезти» и т. д.). — Этот прецедент, в котором по смыслу может быть только «з», показывает, что Герцен прибегал в таких случаях к фонетическим написаниям. Так случаи сомнительные и неявные решаются при помощи аналогичных явных, решаются редактором, который облегчает тем самым труд читателей.

Большинство современных текстологических инструкций, разрабатываемых для внутреннего пользования подготовителями различных изданий, предусматривает публикацию писем по тем же орфографическим принципам, в соответствии с которыми печатаются и тексты произведений. Это, однако, следует расценивать как неоправданное упрощение. Письма — даже в пределах одного издания — могут и должны публиковаться в соответствии с иными орфографическими принципами, чем произведения, так как источником публикации в большинстве случаев служат здесь рукописи самого автора, тогда как при издании произведений этого, как правило, не бывает, и авторская орфография оказывается там нарушенной, смешанной с принятой в том или ином издании, во всяком случае — негарантированной.

¹¹⁰ Там же, стр. 15.

¹¹¹ См.: Н. С. Рождественский. Дифференциация значений средствами орфографии. — «Учен. зап. Моск. гос. пед. дефектологического ин-та», т. I, 1941, стр. 99—131.

Новейшие советские научные издания проводят при передаче текста писем иные установки, нежели те, которые были приняты для произведений. Так, в Собрании сочинений Герцена оформленные тексты писем «с лингвистико-графической стороны в некоторых отношениях отличается от оформления текстов произведений Герцена, опубликованных в предыдущих томах»¹¹². В «Инструкции по лингвистическому оформлению текстов сочинений и писем И. С. Тургенева» для нового академического издания (машинопись) предусматривается: «Особенности лексики, орфографии и пунктуации Тургенева, как общее правило, сохраняются в большей мере в текстах писем, печатаемых по автографам, и в текстах „вариантов и других редакций“ к сочинениям, нежели в текстах сочинений, воспроизводящих печатные источники».

Редактор-текстолог, готовящий тексты для издания, «должен ясно представлять себе, что может получить читатель от тех или иных орфографических и графических особенностей текста...»¹¹³. Утвердившийся у нас в последние годы способ публикации памятников новой письменности не соблюдает тех устарелых написаний, которые имеют чисто графический, условный характер, и оставляет без изменений особенности фонетические, отражающие языковые, — индивидуально-стилистические, диалектные и т. п. особенности авторского словоупотребления. Не нарушая существенных принадлежностей языка, такая система значительно облегчает восприятие текста современным читателем.

Наибольшую трудность для редактора в транскрипционной части его работы представляет разграничение написаний, отражающих явления живого языка и потому сохраняемых, и написаний чисто орфографических, условных.

К явлениям языка, сохраняемым при публикации, относятся следующие:

1) лексические — особенности словоупотребления: «усиливаться» («стараться»), «почитать» («считать», «принимать за» и т. п.);

2) морфологические — особенности образования грамматических форм числа, рода, падежа, степеней сравнения, вида, лица и т. п.: «метода», «зала», «отели» (род. пад. ед. числа), «тоны» (им. пад. мн. числа), «фортепяны» (*pluralia tantum*), «постеля», «домашние утвари», «простее», «пиша», «вышед» «в какую-то тоннель» и т. п.;

3) синтаксические — особенности связей слов, употребление предлогов и союзов, связок, порядок слов и мн. др. («служение муз», «способы для достижения цели», «касаться до», «всега яснее» и т. п.);

¹¹² Герцен, т. XXI, стр. 438, 439.

¹¹³ Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, стр. 500.

4) фонетические — «мёбель» (в письмах Тургенева), «фэльтон», «петербуржский», «ценсура» «пачпорт» (у Кольцова), «волкан», «официальный» и т. п.

Если в русских средневековых текстах (до XVI в. включительно) при издании сохраняются редуцированные гласные «Ъ» и «ь», буква «Ѣ» и т. п., то в этом есть смысл, так как все эти буквы имели в то время определенные фонетические соответствия и отражали таким образом явления языка. В текстах более позднего времени, когда они превратились в чисто условные, графические знаки, дублирующие другие буквы, — надобность в них отпала.

Сохраняя те или иные особенности языка документа, мы так или иначе отступаем от соблюдения современной нам нормы. Научное издание писем представляет в этом отношении большие возможности, чем массовое: здесь сохраняются всякого рода отступления от норм, кроме случаев явных ошибок записи, не производится даже унификация написаний, — предпочтительнее оставлять всё так, как написано автором. Письма Пушкина в академическом издании печатались, в частности, без унификации¹¹⁴. В научном издании писем гораздо более оснований для сохранения транслитерированных иностранных слов в том виде, в котором ими пользовался сам автор, хотя бы это и не соответствовало их нынешнему употреблению. То же касается иностранных собственных имен («Козмо Медичи», «Коломб», «Волтер», «Гогарт» и т. п.).

Однако и в этом случае имеет смысл сохранять только те из подобных форм, отличие которых от существующих теперь носит языковой, а не графический характер.

Современная советская практика жертвует некоторыми даже фонетическими вариантами, если они противостоят действующим ныне правилам русской орфографии, в соответствии с которыми публикуются тексты классиков: в прилагательных мужского рода в именительном падеже единственного числа, например, пишется окончание *-ий* («веселый», «мрачный») вместо прежнего *-ой*. В соответствии с современными нормами печатается также: «масленица» (вместо «масляница») и т. п. Думается, что и в этом нет большого греха, коль скоро издание не ставит перед собой узко специальные цели.

Современные зарубежные публикации эпистолярных текстов, отличаясь большой дипломатичностью, передают подлинник со всеми его орфографическими архаизмами и несуразностями. Американская публикация «Неизданные письма А. И. Герцена» сделана с сохранением отмененных реформой букв «Ѣ», «ъ» и т. п., сохраняет написания: «лутше», «ета», «сним», «щитала», «раставатся», «ощющений», «едит», «неслыхать», «здоровы»

¹¹⁴ Пушкин, т. XIII, стр. 417.

и т. п. Дипломатичность подобного рода (хотя и без употребления отмененных реформой букв) была свойственна также и ряду советских изданий в 20-е и отчасти в 30-е годы. Письма Салтыкова-Щедрина воспроизводились в 1924 г. «с соблюдением всех особенностей индивидуальной орфографии Салтыкова»¹¹⁵, писавшего: «разсказ», «приѣзд», «отчаяваться», «адресс», «ужь» и т. п. (Эти написания отнюдь не составляют особенности орфографии Салтыкова — вся Россия только так и писала.) В издании «Письма Александра Тургенева Булгаковым» (1939) сохранены написания: «естьли», «после завтра», «пожалоста», «на твой шет», «щастливы» и т. п. В академическом издании писем А. Ф. Писемского (1936) и в книге: «И. С. Тургенев. Сборник» (1940) повсюду на конце мужских отчеств обозначается мягкость «ч»: «Николаевичь», «Матвейчъ», «Андреевичь», с прописной буквы пишутся названия месяцев, и т. п.

В послевоенные годы советская текстология отошла от этих объективистских излишеств. Задача состоит в том, чтобы, не нарушая точности передачи содержания текста со всеми его стилистическими оттенками, облегчить восприятие текста читателем, избавив его от непривычных и ненужных орфографических усложнений и проведя известное упорядочение текста с точки зрения орфографии и пунктуации.

В этом оправданном стремлении, особенно если речь идет о научном издании, мы не можем переходить, однако, известной границы. Никогда не следует упускать из виду, что исследователя могут интересовать не только сами по себе сообщаемые в письме сведения, но и форма их сообщения: язык, стиль, орфография текста, как и пунктуация, о которой речь пойдет ниже, имеющая в известной мере и стилистическое значение. «Слог Киреевского, — писал М. О. Гершензон при издании его сочинений и писем, — своеобразен; старомодная тяжеловесность и почти торжественность фразы соединяется у него с замечательной ясностью, глубиной и меткостью языка; заменить эти важные окончания на *ю*, например, в нравственностю, банальным *ью*, или выкинуть многочисленные запятые, которыми уснащены его периоды, значило бы подновить его слог, т. е. исказить его писательскую физиономию»¹¹⁶.

Необходимость строгого различия явлений орфографии и явлений языка не означает отрицания существующей между ними органической связи. Явления орфографии отражают явления языка, непрерывное развитие которого время от времени вызывает потребность в реформировании отстающей от этого развития орфографии. Поэтому, чем к более давнему времени относится

ся публикуемое письмо, тем больше оснований отказаться от модернизации его формы, — тем с большей точностью должно передаваться оно современному читателю. Орфографические принципы публикации писем Маяковского, Г. Успенского или даже Пушкина должны быть, очевидно, иными, чем при издании писем писателей XVIII в.

Более или менее последовательное соблюдение орфографии подлинника при публикации должно зависеть также от индивидуальных орфографических принципов (или беспринципности) издаваемого автора. Я. К. Грот отказался от сохранения орфографии и пунктуации Державина¹¹⁷ на том основании, что было бы «бесполезным испестрить целую книгу неверностями, не имеющими значения для внутренней, существенной стороны писем и только затрудняющими без всякой надобности чтение и понимание их». Как и большинство писателей XVIII в., Державин не имел прочных орфографических навыков, в отличие от таких писателей как Ломоносов или Карамзин, все писания которых Грот признавал необходимым передавать без всяких изменений. Соблюдаться должны прежде всего написания, опирающиеся на осмысленные, разумные и сознательно проведенные принципы.

Для того чтобы дать читателю представление о подлинной орфографии и пунктуации автора, — в том случае, когда соблюдение ее значительно затруднило бы восприятие писем, но в то же время представляло бы известный интерес, — Г. Витковский¹¹⁸ предлагал несколько писем дать в авторской орфографии в качестве образцов, а основную массу писем — в орфографии современной (нигде, разумеется, не затрагивая фонетической стороны написанного). Другим способом ознакомления читателя с подлинной орфографией автора может служить факсимиле.

Так это и делалось, например, в академическом издании Пушкина. Первое письмо няни¹¹⁹, писанное под ее диктовку каким-то михайловским грамотеем, и некоторые другие¹²⁰ публикуются с максимальным приближением к орфографии подлинника. В письме Арины Родионовны сохранены написания: «сщатие», «нихто», «дождатца» «съто» и т. п. В томе помещено и факсимиле этого письма. Следующие письма Арины Родионовны даются уже в общепринятой орфографии¹²¹. Таким образом, первое является образцом.

Малограмотные написания сами по себе могут быть объектом специального изучения¹²². В тех случаях, когда орфографические

¹¹⁷ Сочинения Державина, т. V. СПб., 1869, стр. XII.

¹¹⁸ G. Witkowski. Указ. соч., S. 148.

¹¹⁹ Пушкин, т. XIII, стр. 318—319.

¹²⁰ Там же, стр. 417.

¹²¹ Там же, стр. 323.

¹²² См.: В. Богородицкий. Изучение малограмотных написаний. — «Филологические записки», 1881, вып. III, стр. 1—32.

¹¹⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма. 1845—1889. Под ред. Н. В. Яковлева при участии Б. Л. Модзалевского. Л., 1924, стр. VII.

¹¹⁶ Полное собрание сочинений И. В. Киреевского. Под ред. М. Гершензона, т. I. М., «Путь», 1911, стр. IV.

ошибки показательны с точки зрения характеристики личности пишущего, они могут сохраняться. По этой причине в итальянских, латинских, немецких и английских письмах академического издания сочинений Пушкина сохранялась орфография подлинника, поскольку она характеризует степень знакомства Пушкина и его корреспондентов с этими языками. Археограф М. С. Селезнев справедливо полагает, что отрицание возможности публиковать документ с сохранением его погрешностей следует признать ошибочным: «В ряде случаев подобный прием вполне допустим и оправдывается целями издания»¹²³.

По возможности точное соблюдение авторской орфографии и пунктуации имеет, в частности, важное значение для толкования мест с затемненным смыслом. Такого рода потребность возникает нередко, особенно в отношении документов старого времени. Могут быть нарочитые искажения, придающие письму особый характер и являющиеся таким образом его существенной принадлежностью.

Для решения вопроса о том, в какой мере орфография источника должна соблюдаться при публикации, имеет также значение степень аутентичности этого источника. Точное соблюдение всех орфографических и пунктуационных особенностей письма уместнее в том случае, если оно публикуется по подлиннику, написанному собственноручно.

Как бы ни решать вопрос о степени соблюдения орфографии подлинника, научное издание не должно отступать от него в тех случаях, когда написание отражает особенности произношения, т. е. когда мы имеем дело уже не с явлениями орфографии, а с явлениями языка. Так, Я. К. Грот, модернизировавший державинское правописание, счел нужным сохранить написания: «обстоятельства», «сюды», «крайный», «карактер», «Синбирск» и т. п.

В XIX в., особенно в его первые десятилетия, принято было многие нарицательные имена начинать прописной буквой. С прописной буквы писались названия чинов, званий и даже профессий, названия месяцев и дней недели, названия племен и народов и образованные от них прилагательные, названия людей по месту их происхождения или жительства («Сибиряк», «Костромитянин», «древний Римлянин»); прилагательные, обозначающие принадлежность к какому-либо географическому понятию («Московские артисты», «Петербургская публика», «Американские леса»); наименование видов искусств («Архитектура», «Скульптура», «Изящные искусства») и т. п. Это была только дань традиции, никак не оправдываемая целесообразностью и логикой языка. О. И. Сенковский, много и в резкой сатирической форме писавший о нормах литературного языка для приближения его к

¹²³ «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 243.

языку разговорному, напал и на злоупотребление прописными буквами¹²⁴. «В самом деле,— писал вслед за ним Белинский,— разве прописные буквы существуют в произношении, разве они не суть дело условное? Если в начале речи и в собственных словах принято писать большие буквы, то зачем же писать их в словах нарицательных? А разве королевство, профессор, генерал и даже действительный студент не такие же нарицательные слова, как уезд, округ, ученик, солдат?»¹²⁵ В ряде своих статей и рецензий критик возражал против укоренившегося обычая пестрить страницы никому не нужными прописными буквами,— названного им правописанием «подьяческим» и «китайским».

Об употреблении прописных букв в середине XIX в. много писали и другие авторы (Н. И. Грек, А. Д. Галахов, П. М. Перевлесский). Вопрос вызывал споры. Возобладала исторически прогрессивная точка зрения отказа от злоупотребления прописными буквами. Тем более неоправданным было бы сохранение законной традиции при издании писем в наше время. Это могло бы представить некоторый интерес для выяснения, например, позиции автора писем в упомянутом споре; но это — вопрос такой специальный и частный, что научная публикация писем имеет все основания им пренебречь. В ходе научно-исследовательской работы могут возникать различные вопросы подобного рода, материал для решения которых не в состоянии дать никакая научная публикация. Во многих случаях неизбежно приходится прибегать для этого к подлинникам.

От чисто условного, традиционного и ничем не оправданного написания слов с прописной буквы следует отличать те нарицательные имена, которые начинаются с прописной буквы с целью подчеркнуть их особое значение. Так, Тургенев писал Анненкову, имея в виду Рим: «Ни в каком городе Вы не имеете этого постоянного чувства, что Великое, Прекрасное, Значительное — близко, под рукою, постоянно окружает вас...»¹²⁶ В отличие от описанных выше случаев, никак не влияющих на смысл, здесь автор при помощи прописной буквы вкладывал в слово особый оттенок, который в силу своей осмысленности является существенной принадлежностью текста и подлежит поэтому сохранению при публикации.

Прописные буквы должны сохраняться во всех случаях, когда они имеют дифференцирующее значение (ср.: «Земля» и «земля»), в том числе и при обозначении религиозных понятий. Несохранив прописной буквы в таких случаях делает смысл написанного недостаточно ясным или и вовсе невоспринимаемым. Например, в письме Н. А. Герцен к Астраковым от 14 января 1839 г.:

¹²⁴ См., например, «Библиотека для чтения», 1835, т. XI, отд. VI, стр. 33—35.

¹²⁵ Белинский, т. I, стр. 338.

¹²⁶ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 12, стр. 290.

«Поздравляю с наступающими заветными, священными торжествами, — да, знакомы, близки они душе моей, в эти дни я много буду думать о вас, и весело, радостно мне будет вообразить ваше веселье — я вместе с вами поблагодарю за него *Его*»¹²⁷.

Трудности вызывает передача местоимения «вы», обращенного к одному лицу («форма вежливости», в письмах, естественно, особенно частая), если автор письма не всегда придерживался написания его с прописной буквы. Наша современная практика проводит в этом случае унификацию, но не всегда в одном направлении. М. Горький в ранних письмах не употреблял в таких случаях прописной буквы, позднее — употреблял. В 30-томном издании сочинений Горького везде в этих случаях принята прописная буква, без каких-либо оговорок в комментариях. Иное решение принято в 30-томном издании сочинений Герцена: при большом разном в написании «вы» с прописной и со строчной буквы в пределах даже одного письма, редакция провела унификацию в сторону строчной буквы, оставив прописную только в официальных бумагах. Решение это представляется спорным, тем более, что письма-прошения Герцена к Бенкендорфу или к Дубельту, публикуемые, например, в т. XXII, по существу своему мало чем отличаются от официальных бумаг, и их странно видеть с непочтительным «вы», которое дисгармонирует в таких случаях с содержанием письма и со всем его тоном.

Все мелкие особенности письма, не соблюдаемые при публикации, могут быть в общих чертах охарактеризованы в аппарате издания, и этого будет достаточно для тех, кого это может интересовать. Так, в предисловии к т. II переписки Чайковского с фон-Мекк отмечается: «Из особенностей письма Чайковского, нами не передаваемых, можно отметить следующие. Названия дней недели, названия месяцев пишутся с прописной буквы. И в таких случаях, как: Дирекция, Консерватория, Каменский дом, Римский климат, Февральская сумма, Чайковский употреблял прописные буквы. Почти во всех словах он подчеркивал произношение их: Лёв Васильевич, Алёша, всё, тётка, больший, почерк, во-время, самый, весёлый, принёс, давно я не был, и т. п. Соблюдались Чайковским некоторые особенности, свойственные эпохе: и так (вместо: итак), предвидущий, елиб, фортельяно, матерьяльный, пиэса и т. п. Пунктуация Чайковского довольно точная. Можно отметить такие отступления: необоснованные тире в середине фразы; иногда этот знак заменяет также красные строки, чрезмерное выделение запятыми собственных имен и якобы вводных слов. В ряде случаев вместо необходимой точки ставится точка с запятой. В нашем издании все эти особенности не сохранены, за исключением тех, которые не противоре-

¹²⁷ «Неизданные письма А. И. Герцена к Н. И. и Т. А. Астраковым» Нью-Йорк, 1957, стр. 36.

чат установленной орфографии и заключают в себе звуковые отличия, как-то: до свиданья и до свидания, если б и если бы, что-бы и чтоб, окончание слов ею и ей и т. п.»¹²⁸.

Явные произвольные ошибки — случайные, не имеющие никакого значения для характеристики языка, — могут исправляться без всяких оговорок, поскольку они не представляют интереса практически ни с какой точки зрения. Можно полагать, что самое качество публикуемого документа, наличие или отсутствие в нем хотя бы и случайных ошибок, в известной мере показательны для суждения, например, о внутреннем состоянии писавшего, о возможности подобных искажений и в других местах того же документа; если письмо публикуется по списку, описки в нем могут служить критериями для установления отношения его к подлиннику и степени авторизованности списка, и т. п. Однако характеристика источника и с этой точки зрения может находить свое место в аппарате издания. Засорять текст воспроизведением случайных ошибок ради этого не следует. Ошибки, оставленные неисправленными в тексте, даже если они оговариваются в комментариях, затрудняют использование публикации читателем, который в этих случаях вынужден отвлекаться от осмысления содержания на мысленную корректировку несправного текста.

Обычная в рукописях нечеткость почерка во многих случаях препятствует точному выявлению и соблюдению отдельных орфографических особенностей (прописные и строчные буквы, слитные и отдельные написания). Отдельные начертания в подлиннике случайно могут восприниматься как строчные или прописные, слитные или отдельные и т. п. Нет надобности педантически воспроизводить слитное написание двух явно самостоятельных слов, невзначай получившееся вследствие того, что при скорописи для экономии времени и сил автор не всегда успевал на стыках слов отрывать перо от бумаги. Такие якобы слитные написания фиксировались в ряде случаев в американской публикации «Неизданные письма Герцена» (например, «вводу»), но это не может быть интересно ни с какой точки зрения.

* * *

Смысл *пунктуации* состоит в том, что она выявляет ритмико-мелодический строй речи и способствует выражению на письме разнообразных смысловых и стилистических оттенков, которые не могут быть точно переданы только словами и грамматическими средствами. По самой природе своей пунктуация субъективна, так как она основывается преимущественно на интонационно-выразительной, а не на чисто-грамматической стороне речи¹²⁹.

¹²⁸ «Переписка П. И. Чайковского с Н. Ф. фон-Мекк», т. II, стр. 9.

¹²⁹ См. об этом: А. М. Пешковский. Школьная и научная грамматика. М., 1925, стр. 80—84.

Поэтому авторская пунктуация, как элемент, непосредственно уточняющий смысл и стиль и имеющий определенную художественную ценность, должна была бы точно передаваться в печати. Особенно важно соблюдение эмоциональных знаков препинания (многоточие, знак восклицательный) и вообще — тональных, — имеющих интонационное значение (кроме уже названных знаков, к ним относятся точка, двоеточие, скобки). Все пунктуационные особенности подлинника, имеющие смысловое или стилистическое значение, должны сохраняться, и пунктуационное «упорядочение» текста с формально-грамматических позиций должно производиться при чрезвычайной осмотрительности. В подтверждение этого сошлемся на авторитетное мнение А. М. Пешковского — совершенно на нашу тему: «...искусственно-грамматическая пунктуация не только лишает письменную речь важных, основных средств выражения (до некоторой степени это вообще для письменной речи неизбежно), но и *искажает ее*, подставляя, так сказать, под нее несуществующие ритмико-мелодические формы. В то время как традиционная этимологическая или лже-этимологическая орфография слова не мешает (или почти не мешает) нам прочитать его естественно, в том самом приблизительно звуковом виде, какой имел в виду современный нам автор, искусственный знак препинания всегда может быть *произнесен*, и тем самым автору будет приписана такая деталь его речи, какой у него не было. Правда, по отношению к отдаленным от нас исторически авторам такую же роль играет и традиционная орфография; она скрывает и искажает для нас звуки их речи. Но тут важно то, что в звуках у нас похищается только *материальная* сторона их творений, в ритме же и интонации предложений — *внутренняя, духовная* сторона. Особенно это прискорбно в области изящной литературы. Нет сомнения, что ритм и мелодия художественной речи суть неотъемлемые, органические части общей ее художественной формы и связанного с ней содержания. С другой стороны, несомненно, что основные ритмико-мелодические контуры предложений намечаются для читателя знаками препинания. И совершенно непонятно, почему нужно непременно в этой важной стороне художественного общения автора с читателем посредничество корректора, издателя и декламатора, почему подлинное авторское произношение должно похищаться у нас навек традиционным грамматическим пониманием знаков препинания?»¹³⁰

Упорядочение пунктуации текста редактором (не в ритмико-интонационном, а в формально-грамматическом отношении) в большинстве случаев оказывается все-таки неизбежным. Помимо того, что применявшиеся ранее правила пунктуации (весьма

¹³⁰ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 82—83.

бессистемные и неустойчивые) давно уже устарели, это объясняется также и тем, что многие авторы были к пунктуации чрезвычайно небрежны. У Герцена в письмах встречаются примеры пунктуации, ни с какой точки зрения не оправданной и невозможной для воспроизведения, так как она существенно искажала смысл того, что сам автор намеревался высказать. В письмах Г. Успенского часто отсутствуют самые необходимые знаки разграничения предложений, вследствие чего редколлегия Полного собрания сочинений писателя при публикации писем вынуждена была отказаться от точного следования авторской пунктуации¹³¹. Для выявления структуры предложения и прояснения заключенного в нем смысла приходится прибегать к постановке дополнительных знаков, которых не было в подлиннике. Тургенев, например, пишет Анненкову 24 января 1879 г.: «Но люди окружавшие его в последние годы его жизни такого свойства, что им ничего не стоит утащить и эти деньги...»¹³². В Собрании сочинений Тургенева (Гослитиздат, т. 12, стр. 534) причастный оборот обособлен запятыми, против чего вряд ли кто-нибудь станет возражать, потому что это значительно помогает уяснить смысл написанного, не причиняя точности публикации, с точки зрения смысла и стиля, никакого вреда. «Оставление текста без знаков препинания (полностью или частично), — пишет Д. С. Лихачев, — во многих случаях означает, что издатель не решается интерпретировать текст, или что он его не понял»¹³³.

Всякое изменение авторской пунктуации требует от редактора самого тщательного и надежного изучения смысла текста. Приводить в соответствие с современными требованиями и вообще подправлять пунктуацию следует лишь настолько, насколько этого требуют интересы быстрого и правильного понимания текста современным читателем. Нередки случаи, когда та или иная расстановка знаков существенно влияет на смысл написанного, так что изменение пунктуации подлинника было бы равносильно конъектуре.

Постановка пунктуационных знаков, отсутствующих в подлиннике, должна производиться очень осторожно, обдуманно и только в действительно необходимых случаях. Иначе нетрудно придать публикации иной смысл, не совпадающий с тем, который вкладывал в текст сам автор. В письме Н. А. Герцен встречается: «...душа исстрадалась слушая беспрестанные расчеты»¹³⁴. Запятую после «исстрадалась» следовало бы сохранить, если бы она была выставлена автором, но коль скоро она не выставлена, от употребления ее есть основание воздержаться, так как она

¹³¹ Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. XIII, стр. 5—6.

¹³² ЛБ, Отдел рукописей, ф. 306, к. 2, ед. хр. 2.

¹³³ Д. С. Лихачев. Текстология, стр. 147.

¹³⁴ Герцен, т. XXII, стр. 79.

могла бы только повредить, подчеркивая деепричастный оборот, не относящийся по смыслу к грамматическому подлежащему («душа»).

Синтаксическое упорядочение предполагает сохранение существенных особенностей пунктуации данного автора. У Тургенева, Герцена, Горького, Короленко такую особенность составляют многочисленные тире, которые следует по возможности сохранять. Их часто можно было бы заменить запятыми (например, у Короленко в письме к С. П. Подъячеву от 28 апреля 1903 г.: «Итак — постараемся провести и вернее всего — пройдет»¹³⁵). Но тире — знак более «сильный» и более выразительный, чем запятая.

Между тем, даже полное собрание сочинений Г. Успенского, весьма пунктуальное по своим установкам в отношении публикации писем, не всюду сохраняет авторские тире. Например, в письме Г. Успенского: «Долгов в деревне накопилась — тьма». В издании на месте тире не стоит никакого знака¹³⁶.

М. Горький редко и неохотно прибегал к точке с запятой, которую по этой причине при издании писем Горького в 30-томном собрании сочинений не употребляли.

При широко разветвленной, синтаксически сложной речи Герцен редко пользовался специальными пунктуационными знаками, более сильными, чем запятая (точка с запятой, двоеточие или тире), для прояснения смысловых отношений между частями периода. Эта особенность пунктуации Герцена сохранялась при издании его писем во всех случаях, когда запятой оказывалось достаточно для правильного понимания соответствующих предложений¹³⁷.

В издательской практике распространено предубеждение, согласно которому писать длинными и сложными предложениями считается предосудительным. Редактор часто не задумываясь членит такие предложения на более мелкие посредством точек и прописных букв. Возможны случаи, когда редактор-текстолог, лишенный возможности действовать столь бесцеремненно, станет расчленять сложные предложения на простые посредством замены запятых точками с запятой. В этих же целях тире нередко заменяются запятыми или двоеточиями. Такая практика, основанная на догматическом непонимании связи языка и мышления, непонимании того, что сложная мысль требует для своего выражения соответственно сложных конструкций и что дело не в числе слов, а в чистоте и ясности синтаксических связей, — в

¹³⁵ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 10, стр. 363. Ср. копировальная книга № 5, л. 49.

¹³⁶ Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. XIV, стр. 174, ср.: ЛБ, Отдел рукописей, ф. 135, разд. II, к. 35, ед. хр. 16.

¹³⁷ Герцен, т. XXI, стр. 439.

текстологической практике вообще недопустима, а в отношении текста писем — особенно. Изменение пунктуации писем, публикуемых по автографу, может быть допущено только в исключительных и действительно нужных случаях. Новые знаки, отсутствующие в подлиннике, могут выставляться только тогда, когда без них смысл остается неясным или явно неверным. Например, Герцен сообщает: «Я писал к Ог(ареву) в Вятку и к вам ...»¹³⁸. Если сохранить эту пунктуацию автографа, получается, что Герцен написал два письма и что Огарев жил тогда в Вятке, чего на самом деле не было. Здесь после «Ог(ареву)» должна быть поставлена запятая.

В советских довоенных изданиях пунктуация подлинника воспроизводилась часто с ненужной дипломатичностью. В сборнике «И. С. Тургенев» (1940) сохраняются тире перед открывающей и после закрывающей скобок (выполняющие ту же функцию, что и скобки): «Но так как я считаю подобный Ваш поступок — (после всего того, что я сделал, чтобы загладить сорвавшееся у меня слово) — и оскорбительным и бесчестным — то предвещаю Вас что я на этот раз оставляю его без внимания, и возвращаясь будущей весной в Россию, потребую от Вас удовлетворения».

На этом примере, точно выписанном из публикации, видно, что нужных знаков в ней недостает, а ненужные, дублирующие — сохраняются. Сохраняется тире перед двоеточием, тире на конце фраз после точки и т. п.¹³⁹

Другое дело — когда скобка и тире выполняют разные функции, например, в письме Короленко: «Это можно, пожалуй, употребить как метафору, но развивать в параллели, как Вы это делаете (когда Ваша Катя во время купания чувствует материнское одобрение или неодобрение реки сообразно ее поведению) — не следует»¹⁴⁰.

Запятая и тире, выполняющие разные функции, также могут быть сочетаемы. Короленко пишет Подъячеву: «Если нужен будет некоторый аванс, — напишите»¹⁴¹. Запятая здесь отделяет интонационно условное придаточное, а тире усиливает значение «придаточности», как бы заменяя собой отсутствующие слова: «то Вы». Поэтому при публикации этого письма в Собрании сочинений (т. 10, стр. 363) поступили неправильно, устранив запятую и оставив только тире.

Иных пунктуационных принципов требует публикация других редакций и вариантов писем. Здесь уместно максимальное при-

¹³⁸ Там же, т. XXII, стр. 34.

¹³⁹ «И. С. Тургенев. Сборник». М., 1940, стр. 66. — См. также стр. 51, 73, 104 и др.

¹⁴⁰ В. Г. Короленко. Собр. соч., т. 10, стр. 353. См. также копировальную книгу № 5, л. 21.

¹⁴¹ Копировальная книга № 5, л. 49.

ближение к подлиннику, так как авторские знаки помогают читателю-исследователю судить о направлении авторской работы, а изменение пунктуации, наоборот, будет дезориентировать его в этом отношении. Поэтому, например, в академическом издании Пушкина другие редакции и варианты даны в пунктуации, максимально приближенной к подлиннику¹⁴².

Текст телеграмм требует особого подхода. Подлинники их, как правило, не сохраняются. Искажения, обусловленные техническими причинами (отсутствие служебных слов, знаков препинания и т. п.) делаются сознательно, с расчетом на понимание их адресатом, и потому в большинстве случаев не могут ввести в заблуждение и читателя. Поэтому нет никакого смысла «упорядочивать» их орфографию и пунктуацию. А. Б. Дерман печатал их «в полной орфографической неприкосновенности, со всеми искажениями»¹⁴³.

Точно так же, как при упорядочении пунктуации, решается вопрос о *разбивке текста на абзацы*. Абзац расчленяет текст на относительно большие смысловые куски и имеет преимущественно композиционное значение. Вследствие этого смыслового и композиционного (т. е. существенного) ее значения, авторскую разбивку на абзацы следовало бы сохранять. Однако, как и в случае с пунктуацией, не всегда возможно следовать этому правилу, потому что сами авторы не всегда уделяли этой стороне дела достаточное внимание.

В соответствии с этим может быть допущено упорядочение разбивки текста на абзацы. Инструкция полного собрания сочинений Л. Н. Толстого допускает сделанные редакцией дополнительные абзацные отступы — в тех местах, где начинается текст, по содержанию и характеру резко отличающийся от предыдущего, — с обязательным указанием под строкой: «Абзац редактора». (Знак сноски ставился перед первым словом сделанного абзаца.) Однако пользоваться этим разрешением следует в исключительных случаях, когда неправильная разбивка на абзацы затруднила бы понимание текста.

В издании «Переписка Грота с Плетневым» авторская разбивка текста на абзацы строго сохранялась, независимо от ее целесообразности или нецелесообразности¹⁴⁴. Инструкция по изданию писем в Полном собрании сочинений Белинского, издания Академии наук СССР, также предусматривала сохранение авторской разбивки текста на абзацы. Это, однако, едва ли оправдано, так как встречающаяся иногда неправильная разбивка на абзацы осложняет работу читателя. Особенно затрудняет понимание на-

¹⁴² Пушкин, т. XIII, стр. 417.

¹⁴³ «Переписка А. П. Чехова и О. Л. Книппер», т. 1, стр. 17.

¹⁴⁴ «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. I—III. СПб., 1896. Ред. К. Я. Грот (см., например, т. I, нижнюю часть стр. 437).

писанного соединение в одном абзаце существенно разных мыслей, связь между которыми явно для этого не достаточна. Поэтому больше оснований имеется для того, чтобы в нужных местах делать новые абзацные отступы, которых у автора не было, но которые требуются по смыслу. (Известно, что в XIX в. абзацные отступы вообще применялись значительно реже, чем теперь, и абзацы были крупнее.) Значительно меньше оснований бывает для того, чтобы, наоборот, соединять в один, два или несколько авторских абзацев (хотя надобность и в этом встречается). Авторские абзацы есть смысл сохранять. То же Полное собрание сочинений Л. Толстого на них не покушалось («Воспроизводятся все абзацы»¹⁴⁵).

* * *

Для удобства пользования и быстрого нахождения нужных материалов издание писем снабжается *археографическим оформлением*, которое составляют: порядковый номер письма в данном издании, обозначение адресата (или автора, или автора и адресата — в зависимости от формы издания), редакторская дата, выставляемая независимо от наличия в тексте письма даты авторской, указание на место написания письма. (Место и даты могут выставляться также в сменном колонтитуле, что представляет известное удобство при пользовании изданием.) Под номером письма и наименованием адресата в нужных случаях делается указание на черновой характер письма или на то, что письмо не было отправлено адресату. Указание на черновой характер публикуемого текста может проливать свет на существенные особенности его содержания, вследствие чего оно совершенно необходимо и должно быть сделано не в затекстовых примечаниях, где оно может затеряться и ускользнуть от внимания читателя, а в заголовке письма.

Принадлежность публикуемого текста к категории телеграмм или писем также многое объясняет в его характере и стиле, вследствие чего в том случае, если телеграммы публикуются вперемежку с письмами (в общем хронологическом ряду), под их заголовком делается указание: «Телеграмма»¹⁴⁶. Точно так же и по той же причине следует указывать на «открытое письмо».

Все сведения, составляющие археографическое оформление публикуемых писем, имеют редакционный характер, т. е. исходят от подготовителя издания, что позволяет ему с большой свободой приспособлять их к требованиям целесообразности и удобства читателя, о котором следует заботиться прежде всего.

¹⁴⁵ Из машинописной инструкции.

¹⁴⁶ См., например: К. С. Станиславский. Собр. соч., т. 7, стр. 166, 169 и др.

Необходимым условием такого удобства является единообразие археографического оформления писем, при каждом из которых в привычном для себя месте читатель находит все необходимые сведения.

Указание адресата выставляется при каждом письме и выполняет роль его заглавия. Замена фамилии адресата местоимением (вроде: «Ему же», «Ей же») нецелесообразна, так как печатные собрания писем далеко не всегда читаются сплошь и подряд, и при непосредственном соседстве ряда писем к одному адресату местоименное обозначение его создавало бы неудобство для разыскания нужных писем.

Авторская дата, являющаяся частью текста письма, не подлежит никаким изменениям и воспроизводится в том месте письма и в том самом виде, как она находится в подлиннике (как это делается, например, в Полном собрании сочинений Г. Успенского). Распространенное в практике изданий перемещение авторской даты, где бы она ни стояла в подлиннике, в верхний правый угол (Собрание сочинений Короленко, сборник «И. С. Тургенев» и др.) в научном издании писем не должно допускаться. Автор может сообщить дату и внутри письма — в самом его тексте, но это не значит, что ее надо изымать оттуда и помещать наверху. Вследствие этой операции в гослитиздатовском Собрании сочинений Короленко в ряде случаев искусственно отсекаются другие сведения, примыкающие к писавшейся обыкновенно внизу авторской дате, например точный адрес.

Представляется принципиально неправильным дополнение авторской даты, хотя бы и в специальных скобках, недостающими элементами. Этого тем более не следует делать, что самая форма авторской даты, совершенно произвольная, может этому противиться и сделать «дополнение» невозможным. Не поддается, например, «дополнению» такая «дата» одного из герценовских писем: «И примерно не знаю, которое число»¹⁴⁷. Точная, критически установленная редакторская дата выставляется в научном издании перед каждым письмом и содержит все нужные сведения: число, месяц, год (если надо, — по старому и по новому стилю¹⁴⁸), — так что в дополнении авторских дат тем более нет надобности.

То же относится к указанию места написания письма, если оно исходит от автора. Независимо от наличия или отсутствия его в подлиннике, оно дается редакцией вместе с редакторской датой.

Тургенев пользовался за границей специально заказанной почтовой бумагой с его вензелем и печатно обозначенным адресом:

¹⁴⁷ Герцен, т. XXI, стр. 179.

¹⁴⁸ Первой указывается дата того стиля, который был принят в месте подачи письма. Реформа календаря в России (переход к новому стилю) произведена 1 февраля 1918 г.

«50, rue de Douai, Paris»; «Bougival», и т. п., который, однако, едва ли должен публиковаться как авторское обозначение места: в действительности бланк мог быть использован в другом месте и в другой обстановке; описание бумаги, использованной для письма, удобнее относить к комментариям.

В полных собраниях сочинений Г. Успенского и Некрасова при каждом письме указывается и куда оно направляется («в Москву», «в Нижний Новгород», «в д. Сябринцы» и т. п.).

Обычная формула: «*рукою такого-то*» употребляемая для обозначения приписок, едва ли удачна. Это может быть понято как текст того же автора, но записанный не его собственной рукой. Для обозначения приписок нетрудно придумать другую формулу, лишенную этой двусмысленности. Лучшая форма найдена в Полном собрании сочинений Белинского, издания Академии наук: здесь перед приписками или перед соответствующими частями коллективных писем, набранными петитом в угловых скобках курсивом обозначались инициалы и фамилия автора с двоеточием на конце, например: «(М. А. Бакунин:)».

* * *

В эпистолярных изданиях существенное значение имеет их *полиграфическое оформление*: градация шрифтов для отделения авторского текста и различных сопроводительных материалов, способы выделения текста и т. п. Эта сторона работы обычно оставляется редакторами без внимания, и технические условия издания диктуются производственными отделами издательств и типографиями, исходя из чисто внешних удобств, без учета специфики публикуемого материала, что наносит значительный ущерб делу. Редактор писем должен бы был сам вникать во все технические детали, не перепоручая их бесконтрольно одному техническому редактору.

Вследствие того, что вопросам технического оформления в течение длительного времени не уделялось достаточного внимания, оказались забытыми некоторые весьма нехитрые достижения прежних изданий. В современных изданиях редко встречается применение втяжки, набор на шпонах; для шрифтовых выделений чаще всего применяется неудобочитаемая разрядка; почти совсем вышла из употребления нонпарель, так что, например, примечания к петитному тексту набираются большей частью тоже петитом.

Крайне желательно факсимильное воспроизведение в издании образцов почерка и отдельных страниц писем. Это дает читателю представление о непередаваемых средствами обычной печати особенностях подлинника и позволяет ему полнее судить о методах подготовки текста в данном издании и точности его передачи.

В самом тексте писем часто приходится факсимильно воспроизводить те или иные детали. (Арабские надписи в письмах Грибоедова¹⁴⁹, зарисовки мизансцен и реквизита у Станиславского и т. п.). Содержащиеся в письмах несложные чертежи могут быть выполнены схематическим перечерчиванием или набором — комбинацией линеек и шрифтов, рисунка и шрифтов (если не требуется факсимильно-точной передачи)¹⁵⁰. В современных изданиях, в связи с возросшими возможностями репродукционной техники, к этим приемам прибегают редко, предпочитая даже в простейших случаях факсимильное воспроизведение, точнее всего передающее рисунок или чертеж.

Сложнее воспроизвести всякого рода внешние особенности письма, отразившиеся в его содержании и имеющие поэтому значение для его понимания. Это могут быть физические особенности подлинника, вовсе не передаваемые обычной печатью, например, в упоминавшемся выше случае с замечанием Пушкина: «Я расковырял», относящимся к образовавшейся на почтовой бумаге дыре. Естественно, что такого рода особенности могут быть переданы в печати только путем редакторских пояснений — комментированием. «Твоя врожденная деликатность, — писал Белинский К. С. Аксакову, — не допустит, после этого объяснения, говорить худо мне о лучших моих друзьях, и ты можешь забыть об этом, как забываю я, дописывая последнее слово этой страницы»¹⁵¹. Эти слова, находящиеся в середине большого письма, данные без всяких пояснений, могут быть восприняты как иносказание, как некая аллегория (вроде «выпиваю чашу до дна» и т. п.). Их смысл стал бы совершенно ясен читателю, если б редактор пояснил, что они приходятся на самый конец второй странички четырехстраничного письма¹⁵².

* * *

Публикация эпистолярного текста является таким образом ответственным и сложным делом, требующим от ее исполнителя основательной подготовки, разнообразных знаний, специальных навыков.

При издании писем мы имеем дело с большим многообразием самых неожиданных больших и малых задач, которые необходимо решить. Поэтому здесь особенно важно, каждый раз приступая к изданию, устанавливать его принципы на основании тщательного предварительного изучения всего подлежащего публи-

¹⁴⁹ А. С. Грибоедов. Полн. собр. соч. Под ред. и с прим. Н. К. Пикса-нова и И. А. Шляпкина, т. III. Пг., 1917, стр. 138, 146.

¹⁵⁰ См., например, в Полном собрании сочинений Чернышевского (т. XIV, стр. 40); в Сочинениях Герцена (т. XXIV, стр. 14).

¹⁵¹ Белинский, т. XI, стр. 533.

¹⁵² ЛБ, Отдел рукописей, ф. 21, ГАИС/III.— I. № 8^б.

кации материала, при учете всех встречающихся случаев. Это как будто бы само собой разумеющееся необходимое условие всякого издания (не только писем), по разным причинам не соблюдается, вследствие чего издания меняют свои установки от тома к тому и обнаруживают по выходе значительный разнобой. Предварительное изучение материала, учет всех возможностей и особенностей типа издания имеет для успеха его первостепенное значение. Важно прежде всего уяснить себе назначение издания, которое определяет в свою очередь, что представляет первостепенный интерес и должно получить отражение в издании и что, наоборот, без пользы делу может только обременить издание. Редактор, ясно представляющий себе материал и цель публикации, найдет соответствующие им наилучшие эдические решения.